

Ольга Кондиус

Моя Малая Родина

Томск

Я приглашу в поэзию, как в лес...

В конце 90-х годов к нам в ЛИТО «Родник» пришла молодая белокурая женщина. Ольга Кондиус. Принесла стихи. Руководитель «Родника» Борис Николаевич Климычев попросил её почитать. Я готовился услышать что-то неумело зарифмованное, но, к счастью, ошибся.

Стихи пленили простотой, радугой красок и просто светом. У нас много поэтов, пишущих графично. У Ольги Кондиус свет и радуга встречались в каждом стихотворении. Очень ценные качества. Спустя какое-то время, она подарила самодельную книжечку, набранную на пишущей машинке. А ещё позднее, пригласила в библиотеку, где работала, выступить.

В библиотеке чувствовался рукотворный уют. Было 10-12 слушателей. Ольга интересно вела вечер, обстановка была домашней. Попросила написать что-нибудь в книгу записей.

Через несколько лет я вновь выступил в этой библиотеке. Ольга подарила свою новую книгу, уже профессионально изданную. Потом она проводила свой вечер в клубе «Автограф».

Ольга не так часто выступает на каких-либо томских литературных мероприятиях, тем приятней слышать её новые стихи.

И вот книга «Моя Малая Родина». Здесь не только стихи, но и проза.

Книга захватывает, начиная с биографии «Все́му начало здесь».

Ольга пишет о Колпашево, где она родилась, о своих корнях, о посёлке Мирный, где работает, о Протопопово, где живёт в оздоровительном лагере «Восход». Прозаический раздел называется «Имена и даты в канве судьбы». Проза пронзительная, документальная. Да и, по сути – это литературный и человеческий документ. Здесь о родственниках, судьбы которых совпали с судьбой России, и просто – о людях, с которыми её сводила судьба. Ольга пишет интересно, драматично и доступно.

В поэтическом разделе практически первая строка тянет на название книги: «Я приглашу в поэзию, как в лес...».

Я проработал в лесном хозяйстве Томской области 23 года и могу обоснованно сказать – лес дарит вдохновенье, причём дарит щедро, ярко, нестандартно. Образы получаются свежие, точные, как свежа и точна сама жизнь. Ольга не зря на обложке книги поставила фотографию, где она в лесу на лыжах.

Она всегда окружена светом. И в стихах этот свет – вот он:

Вскипая ярким перламутром,
Всплывает солнце ранним утром,
И нежно – голубую тень
Роняет в снег хрустальный день.

А дальше «месяц ёлочной игрушкой...горит за елью в синеве...», «в туманной дымке светятся деревья...». И таких примеров много.

А какие яркие образы!

Осина в поэзии Ольги «трепещет, нарядная, в туфлях из замши», «вербы – нежные цыплята всем выводком бегут куда-то», слова сверкают и подобраны одно к одному «как горошины в стручке», «звонарём весна идет», «золотая булавка – звезда ещё держит сиреневый полог».

Образные аметисты и агаты рассыпаны по всей книге.

И традиционные образы у неё звучат нестандартно: «Распахнуло небо глубину...».

Только человек, искренне, долгие годы любящий, может написать: «Ты мной, а я тобой богата...»

Впрочем, достаточно цитат. Думаю, что заинтересованного любителя поэзии я заинтриговал. Ольга Кондиус много занимается просветительской деятельностью. О деятелях культуры рассказывает так, что заслушаешься. В 2012 году поэтесса стала Номинантом Международного литературного конкурса «Серебряный стрелец – 2012». Путь настоящего поэта труден. Впрочем, Ольга лёгких путей и не искала. В одном из стихотворений она говорит:

Воскрешу зимой улыбку мая,
Аромат черёмух у крыльца.

Остаётся только улыбнуться и пожелать: «В добрый час!»

Член Союза писателей России
Член-корреспондент Академии Поэзии

Николай Хоничев

Всему начало здесь...

Биографический очерк

Всё, что делала в жизни, старалась
делать из любви, истоки которой в детстве.

Родилась в г. Колпашево Томской области, куда были сосланы семьи обоих моих дедушек, расстрелянных в 37 году. (В столетний юбилей убийства Пушкина).

Родилась я на улице Пушкина,
Видно, имени тайная власть
В том, что мало играла игрушками,
Упивалась поэзией всласть.

С пяти месяцев меня высаживали на окно, обложив подушками в ванне, и я часами созерцала окружающий мир. В четыре года развеселила домашних первыми рифмованными строчками. С десяти лет вела записи своих стихов. Именно тогда в душе возникли строки:

Сквозь иголку ели,
Луч зари продену,
Дым котом ленивым
Важно выгнул спину,
В заревой косынке
Тонкая рябинка
Вышла из тумана
Утром рано-рано.

Неизгладимые воспоминания связаны с маминым пением. У мамы был восхитительный голос, мурашки бежали по коже, когда я слушала её. Особенно раздольно её голос звучал в лесу.

По вечерам читали вслух Пушкина, Гоголя, Толстого, Гюго и других писателей. Чтение настолько захватило меня, что я уже не представляла себя без книги. Первый широкоформатный фильм «Отверженные» по Гюго меня просто потряс, хотя я была тогда ещё совсем маленькая, но ясно почувствовала окрылённость, восторг:

Душа, как птица,
В небо стремится.

Позднее такое же сильное воздействие произвёл спектакль: «Майская ночь или утопленница» по Гоголю.

Я благодарна родителям за тепло и уют семейного очага, доброту, атмосферу духовности и нравственной чистоты, которую они, простые труженики, заклеимённые «врагами народа» сумели сохранить, не смотря ни на что. А, главное, за то, что они не жалели времени на прогулки на Светлое озеро, идти до которого семь километров. Любила я ходить с ними также за грибами и ягодами в лес. Душа впитывала красоту природы. Когда в пятом классе я описала её в сочинении «Мое любимое занятие», учительница поставила мне двойку, написав на полях: «Списано у Пришвина или Тургенева».

В пятнадцать мне попалось на глаза объявление: «Всех, кто любит стихи, чьё сердце открыто для поэзии, приглашаем в редакцию газеты «Советский Север» на занятие литературного объединения». С тех пор, до самого отъезда, я не пропустила ни одного занятия, которые вёл замечательный поэт Василий Казанцев. Мои сочинения долгие годы висели в школе в качестве образца, совершенно пожелтевшие от

времени. К вступительным экзаменам на историко-филологический факультет ТГУ готовилась на сеновале, чтобы яркие краски лета не отрывали от занятий. Сочинение «Люблю берёзку русскую» написала в стихах, получила пятёрку и как на крыльях летела к сестре, поделиться радостью. Устный экзамен тоже сдала отлично. Остальные экзамены: по истории и английскому языку сдала хорошо, но это меня уже не беспокоило: баллы для прохождения были набраны.

Любимый университет!
Нас пестовал ты много лет.
И слаще не было тех мук,
Чем «грызть гранит» твоих наук.

Любила посещать вечера поэзии, печаталась в студенческой газете «За кадры».

На третьем курсе вышла замуж за Владимира – студента ГРФ ТПИ, взяв его фамилию. Распределились в г. Ленинск–Кузнецкий Кемеровской области. У нас уже был сын Андрей. Работала в школе учительницей русского языка и литературы, потом родилась дочь Юлия. Ей ещё не было года, когда переехали в Южный Казахстан. Целый месяц жили у родственницы в г. Каратау, пока муж не нашёл работу в Тюлькубасской экспедиции. Когда дочке исполнилось полтора года, я устроилась работать корреспондентом в редакцию газеты «Маяк».

Через два месяца меня перевели на должность заместителя редактора. Я открыла литературную страницу в газете, которая притягивала к себе поэтов и писателей. Мне нравилось ездить по всей округе в поисках интересного материала. Перо моё было смелым, меня предупреждали, что такая смелость чревата и долго я не продержусь, но поступаться совестью я не хотела. Мне не дали поработать и двух лет. Под предлогом, что я не являюсь членом партии, меня уволили. Я принципиально не хотела быть членом. Мне предлагали хорошие должности, но я отказалась. Вскоре из Тюлькубаса мы переехали в город Кентау. После всех бурь я искала тихую гавань, для этого пошла в профсоюзную библиотеку. Мне сказали, что нужно провести мероприятие. Готовилась целый месяц. Выбрала Лермонтова и Врубеля. Эти два гения давно заняли место в моём сердце.

Нам как раз дали квартиру с хорошим ремонтом от экспедиции, где работал муж. В такой отрядной обстановке я и постигала великие шедевры. Это было неповторимо, хотя нет, лучшие моменты жизни имели обыкновение повторяться. С детства я наблюдала, как мама вносила священное в жизнь. Каждые полгода к пасхе и рождеству в доме была побелка. Это было, как волшебство: когда всё завершилось, в небе уже сияли яркие звёзды, они воспринимались, как продолжение чистоты и красоты в доме, было ощущение полной гармонии с вселенной.

Когда я провела мероприятие, буквально, на одном дыхании, было много взволнованных, восторженных отзывов. В результате вместо тихой библиотечной гавани я была принята заведовать читальным залом Дворца культуры. Вдохновение, являющееся источником творчества всех поэтов, которым посвящались вечера, легло в название созданного поэтического клуба. Если в редакции была широта, то здесь глубина. С необыкновенным восторгом погружалась я в неё. Такое я испытывала, когда целыми днями сидела в научной библиотеке университета, читая произведения великих писателей. Душа парила где-то в запредельном. Это можно сравнить с яркой вспышкой. Но вспышка не может длиться долго. Декретный отпуск, на время которого я была принята, завершился.

Пусть оборвана на полуслове
Вдохновенно звучащая речь,
Увольняйте меня, я готова,
Я успела кого-то зажечь.

Я залечивала душевные раны в Кумыстах, куда поехала с ребятами на всё лето: там стояла экспедиция мужа. Купания в ледяной горной речке, где рядом плавали ядовитые змеи, на которых я не обращала внимания, сделали своё дело: я закалилась душой и телом. Красота гор, снежными вершинами утопающих в голубом небе, восстановила утраченное равновесие. На работу меня принимали почти всегда временно, но ведь и на земле мы тоже временно. Я благодарна судьбе за то, что лучшие моменты жизни имели счастье повториться. Вот только работа в отделе труда и заработной платы не повторилась и не оставила следа в сердце. Это было не моё, и жизнь в Кантагах была перевалочной базой. А вот работу воспитателем в общежитии ШТФ, куда я устроилась, вернувшись окрепшая с летнего отдыха, считаю неслучайной. Я сама отработывала жизненные уроки и помогала молоденьким девчонкам распутывать их личные проблемы. Это был важный, хоть и короткий период жизни, он напоминал работу в редакции, когда я отзывалась на каждый крик души. Однажды в редакцию даже пришёл разбираться пришедший в ярость от моей статьи глава семейства, на которого пожаловалась его жена. Он тиранил и жену и дочек. Я тогда почти физически ощутила, какую силу имеет печатное слово. Совесть его была растрожена, в дальнейшем он одумался, бросил пить. Все люди из одного источника, только на разных ступенях развития. Подробно об этом я написала в программе по толерантности. Идёт это тоже из детства. Мама могла топнуть в кабинете начальника, назвавшего её ссыльной, да так, что каблучок сломался, а к простым людям относилась чистосердечно. Покупая мне валенки, к примеру, просила, обращаясь к продавщице: «Миленькая, выбери для дочки валенки потолще». Папа тоже уважал человеческое

достоинство в каждом. За водой с ним приедем, когда бочка наполнится, он махнёт рукой и крикнет: «Довольно, Дарья Ивановна!», к любому человеку из обслуживающего персонала обращался по имени отчеству. Сказывалось воспитание.

Организовывала я для работниц швейно-трикотажной фабрики и праздники, и поэтические вечера проводила, и не было более благодарной аудитории.

Однажды встретила случайно председателя профкома комбината «Ачполиметалл». Он рекомендовал меня новому директору Дворца культуры, и тот пригласил меня заведовать отделом культурно-массовой работы, но эта работа лишь изредка приносила удовлетворение: на большой сцене по шаблону проводились грандиозные чествования передовиков того или иного предприятия и нужно было плясать под их дудку.

Я любила камерные мероприятия малого зала, сосредоточив свою энергию на работе клуба «Резонанс», созданном совместно с народным театром. Большой резонанс тогда вызвало мероприятие, посвященное Пелагее Стрепетовой – крепостной актрисе, а также Владимиру Высоцкому.

Когда появилась возможность, перешла работать методистом в клуб «Дружба». Там был необъятный простор для творчества. Проводя мероприятия, использовала возможности звучащего слова, кино и художественной самодеятельности.

Потом был декретный отпуск: я родила дочь Екатерину.

Вела на дому курсы стенографии, которой владею в совершенстве. Она, как добрый друг, помогает мне всю жизнь. В 17 лет я услышала по радио объявление о заочных курсах стенографии. Это был знак свыше. С тех пор и лекции в ТГУ, и любые беседы, работая в редакции, и пленумы, и совещания стенографировала и даже стихотворную строку, успевая за полётом воображения.

Сын Андрей поступил в Томский институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники. Сердце рвалось быть поближе к нему. Скайпа тогда ещё не было, а переговоров приходилось ждать часами. Скоро и Юле надо было поступать, а там и Катя на подходе. Забегая вперёд, скажу, что обе окончили университет. Юля пошла по моим стопам, окончив филфак, но потом окончила ещё и экономический факультет, а Катя – факультет информатики.

Родные края влекли к себе неотвратимо. И вот, прожив семнадцать лет в южном Казахстана, мы покинули в 93 году тёплые края навсегда.

Благословлю, что сердцу мило,
Что бурей билось мне в стекло,
Чарующей звездой светило,
И вешним цветом отцвело.

Временно работала в средней школе п. Мирный Томского района учителем русского языка и литературы. Уроки литературы начинала с поэтической пятиминутки, а правила по русскому языку давала в рифмованной форме, что позволяло легко запоминать их. Вела кружок «Фантазия», работы которого отмечены дипломом 1 степени (мама с детства привила любовь к рукоделию). Посещала литературные объединения: «Родник», Экспромт», «Автограф».

В 1997 году была принята заведовать библиотекой. Сразу был произведён капитальный ремонт и расширение. Библиотека стала уютной и красивой, достойной того, чтобы в ней звучало Слово. В каждое дело вкладывала частицу души, будь то беседа с читателями, книжная выставка, вечер поэзии, лекция или творческая мастерская. По - другому просто не могла. С большим успехом ставила с детьми спектакли по сказке Маршака «Кошкин дом» и «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» Пушкина. Театр с детства окрылял душу.

В 1998 году на районном конкурсе «Лучший по профессии» заняла призовое место.

Служить Слову – вот самое точное определение моей деятельности. Вновь появилась возможность вести поэтический клуб «Вдохновение». Мероприятия затрагивают слушателей за живое, заставляют звучать лучшие струны души, о чём они с благодарностью пишут в своих отзывах. Поэтические вечера клуба «Вдохновение» – это «звёздные часы» библиотеки. Многие поэты Томска побывали на вечерах клуба «Вдохновение». Люблю не только приглашать на встречу с читателями библиотеки интересных

людей, но и участвовать в вечерах, проводимых в Областной библиотеке им. Пушкина, на творческих вечерах в Областном художественном музее, Томской писательской организации и т.д.

На фото: вечер поэтического клуба «Вдохновение», посвящённый лирике А.С. Пушкина: «Могучей страстью очарован».

Чтоб искра Божья не погасла,
Та, что духовностью зовём,
Льём щедро вдохновенья масло –
Так трепетно горит огнём.

Поэтическое творчество для меня это – потребность и блаженство души, оно всегда было глубоко личным делом. Как-то само собой случилось, что оно стало общественным достоянием.

На фото: после творческого вечера в Вишнёвом зале Пушкинской библиотеки.

С поэзией вновь жажду встречи
И тем, кто ею заклеимён,
Зажгу, будто святым, я свечи –
Блаженным, чьих не счесть имён.

Когда в календаре знаменательных и юбилейных дат: «Лепестки былого», изданном областной научной библиотекой им А.С.Пушкина, появилась моя фамилия (рядом со знаменитым Полем Робсоном и великим Гофманом, что явилось огромной честью для меня) и запись о стихах, это заставило серьезней отнестись к своему творчеству. Было выпущено два поэтических сборника: «Летопись души» и «Разноцветье», открыт сайт в интернете. На сайте помещены новые книги стихов: «Бриллиантовые россыпи», «Калейдоскоп», «Улыбнись». Стихи публиковались в периодических изданиях и ряде коллективных сборников: «Томск – любовь моя и судьба», «Кружева метелицы», «Судьбы, опалённые войной», «Всё началось в вишнёвом зале», «Одари добром», «Прилетает радость, словно птица» и других. Выход в свет каждого сборника сопровождался презентацией и рядом творческих вечеров, проведённых в Мирном, Лоскутово, Кисловке, Богашёво и, конечно, в поэтических клубах Томска: «Автограф» и «Экспромт».

На литературном конкурсе, посвящённом 90-летию со дня рождения Галины Николаевой (2001г.), присуждено призовое место в номинации «Поэзия». В 2004 году стала лауреатом областного литературного конкурса: «Звучащее слово», посвящённого 400-летию Томска. Издан лауреатский сборник: «Строки, рождённые сердцем».

На фото: вечер в литературном клубе «Автограф»

Одной из важнейших для меня остаётся просветительская деятельность. В 2008 году самые лучшие вечера по творчеству Пушкина, Лермонтова и Врубеля прозвучали по радио «Сибирь» и радио «Свобода».

2008 год – 1 место в районном конкурсе «Всеу начало здесь, в родном краю» в номинации «Истоки рода твоего».

2009 год – 1 место в командном первенстве, посвящённом Всероссийскому Дню библиотек.

2011 год – Двукратный лауреат литературного конкурса, посвящённого 100-летию со дня рождения Галины Николаевой: в поэзии и прозе.

2012 год – Номинант Международного литературного конкурса «Серебряный стрелец – 2012». 2013

год – Номинант Национального литературного конкурса «Поэт года».

Вечер «Поэты Томского предместья», организованный Пушкинской библиотекой, произвёл яркое впечатление. О нём написано в литературной хронике журнала «Начало века» №4 за 2013 год. В СМИ часто писали о мероприятиях, проводимых в библиотеке п. Мирный: о вечере «Вдовы России», о вечерах поэтического клуба «Вдохновение», а также в целом о работе библиотеки: «Своих героев мы знаем в лицо» и др.

Стихи публиковались в «Красном знамени», «Томском вестнике», «Томском предместье», «Вечернем Томске», «За кадры», «Начале века», «Работнице», поэтическом альманахе Новгородской научной библиотеки, в международном альманахе «Золотая строфа» и т. д., а также на многих сайтах в интернете.

В последнее время захватило краеведение. Огромная исследовательская работа проведена о жизни Феодора Томского, Татьяны Гримблит, Елизаветы Стюарт, Евгения Березницкого. К 65-летию Великой Победы написан альманах из воспоминаний очевидцев: «Это нашей истории строки».

Была проведена презентация альманаха, которая никого не оставила равнодушным. Долго ходил альманах от читателя к читателю. Люди не могли читать его без слёз.

На фото: презентация альманаха

В 2012 году разработана программа трёхгодичной целевой деятельности: «Толерантность в основе игры под названием жизнь». Осуществляется программа в форме лекций, бесед и практических занятий. Главная составляющая программы – толерантность, то есть принятие мира, гармония с ним и с самим собой. Человек, получающий удовольствие от общения с миром, спокоен и расслаблен. Он видит в каждой ситуации множество различных нюансов, в любых обстоятельствах отыскивает не замеченные другими возможности, которые своевременно и эффективно использует. Ощущение гармонии с миром может войти в привычку и стать таким же естественным, как раньше негативное реагирование. Мир такой, какой он есть. Более того, существуют объективные причины, по которым мир и люди эволюционируют именно так, как они эволюционируют.

Подробнее обо мне, моих корнях и земляках представлено в прозе: «Имена и даты в канве судьбы». По этой повести снимается фильм.

История написания повести восходит к 2007 году – семидесятилетию страшной трагедии. Именно в этом году я посетила музей – бывшую тюрьму, где в нечеловеческих условиях томились жертвы репрессий. Каждая камера была битком набита: спали сидя на нарах, задыхаясь от зловоний.

Тогда же добилась получения прежде запрещённых материалов под грифом «Хранить вечно». Прочитала документы сфальсифицированных материалов допросов, документ, свидетельствующий о том, что эссеро-монархической партии, за причастие к которой были все расстреляны, не существовало. Держала в руках маленькую бумажку со страшным приговором: «Расстрелять». Был там документ и о посмертной реабилитации.

Когда я вышла на улицу, и свежий ветерок опанул меня, мне очень живо представилось всё, о чём я прочитала. Было невыразимо плохо. Мне нужна была помощь. В церкви священник посоветовал целый месяц не читать этих бумаг и постараться отвлечься. Он попросил у меня ксерокопии всех документов, потому что мало знал об этих событиях. Так возникла идея написать о своих корнях, затем пришла заинтересованность в судьбах земляков. Особенно много рассказала мне тётя Капа – мамина сестра. Запомнился мне случай с воришкой, который украл у неё кошелек. В нём была справка о льготах семьям репрессированных. Вначале он хотел её сжечь, но в последний момент что-то дрогнуло в его душе: он затушил огонь и вернул справку, с опалённым уголком, положив её в почтовый ящик. В душе каждого, даже вот такого карманного воришки есть человеческое. Вот к этому человеческому я и взываю всем своим творчеством и всей своей деятельностью.

ИМЕНА И ДАТЫ

В КАНВЕ

СУДЬБЫ

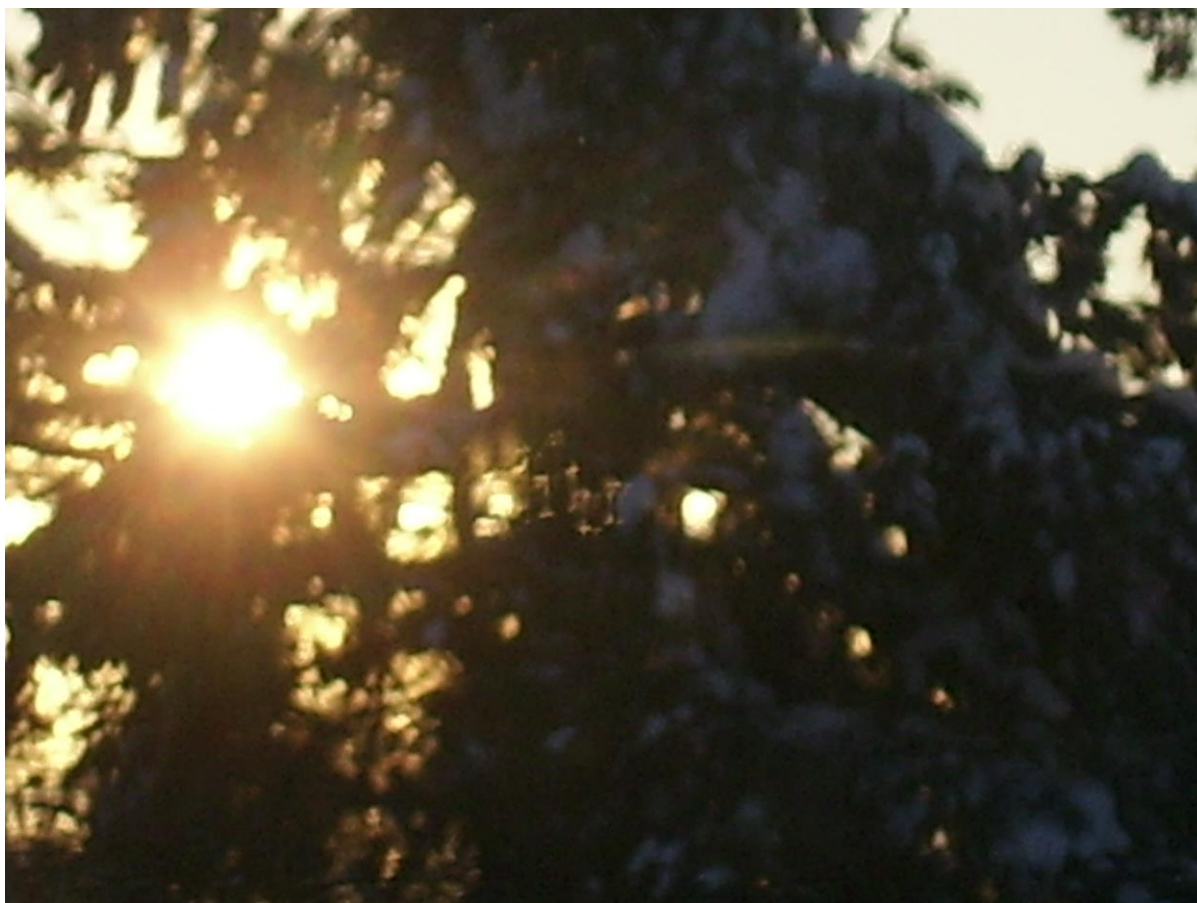
*Документально-биографическая повесть,
посвящённая 90-летию Томского района.*

ПРОТОПОП – СТАРШИЙ СВЯЩЕННИК

«Воззовет ко Мне, и услышу его;
с ним есмь в скорби...» (Пс.90).

Сибирская земля была вечным местом ссылки, каторги, но она явилась не только «подножием креста» для многих, принявших здесь крестные муки – здесь же воссиял Святой Дух в душах людских, очищенных верой и в величественной красоте природы.

Восходит новый день над нашим благословенным краем. Словно ореол, озаряющий лики святых, сияет над лесным простором.

Лучистое солнце проникло сквозь крону
Красивым узором вблизи от меня,
Сейчас подойду, осторожно затрону:
Великая тайна тревожит пьяня.

Благодатное воздействие леса ощущалось мной с детства. В Библии прочитала: «Небо – престол мой и земля – подножие ног моих». (Д. 7-48)

В Томском районе две деревни носят название Протопопово. Дав такое название, люди стремились обозначить место прописки Бога на земле среди этой величественной, сказочно прекрасной природы. Понятно, что такое название не могли дать после революции, стало быть, эти деревни одни из первых появились в Томском районе, которому исполняется 90 лет в 2014 году.

В круглые даты душа всегда стремится к своим истокам.

МОИ КОРНИ

Книгу жизни с жадностью читая,
Всё мечтаю отыскать шедевр,
Чтоб слова – грачей весенних стая –
Зацепили обнажённый нерв.

И вот я спускаюсь по длинной лестнице бывшей тюрьмы, что на Ново – соборной площади. Сейчас здесь музей.

Я не знала, что будет так больно,
Посетить этот жуткий музей.
Зло, нависшее коршуном вольно,
Торжествует над жизнью людей.

Душа моя сжалась от сострадания, когда я увидела пару крохотных туфелек и стихи Н. Гаген-Торн:

В этом музее ощущается чёткий, просто рельефный контраст добра и зла.

Ищут мне по компьютеру деда,
Одного отыскали, другого
Не найдут, не осталось и следа,
Но бессмертно Всевышнего Слово
И с любовью к Нему пишут книгу
О Нарымской Голгофе мать с сыном.
Мне достаточно было и мига,

Чтобы папу в красавце былинном
Вдруг узнать: в сердце что-то запело!
В белой русской рубахе с сестрой,
И родители рядом, расстрела
Не маячит ещё... время, стой!

Меня обожгла мгновенная радость, когда я увидела родное лицо.

Снимков много, так солнце сквозь тучи
Засияет, и в мрачном музее
Я услышала голос могучий
В моём сердце, сильнее, сильнее
Всё звучал... так, наверно, бессмертье
Беспредел, зло и мрак разрывая,
Воскресает в любом лихолетье
Гимном Богу, хоралами Рая.

Этот снимок был сделан уже в ссылке. Папе – 17 лет, но крутой поворот судьбы наложил свой отпечаток на выражение лица. А в сдвинутых бровях деда и особенно глазах такая невыразимая боль за причинённые страдания своим близким, что она, как иглой, колет сердце.

А вот самая уникальная фотография. 1903 год. Меня так и тянет сердцем прикоснуться к этому далёкому и родному мне миру.

Большая и счастливая семья моего прадеда дьякона Дмитрия Васильевича Федюшина.

Чем больше смотрю, тем больше люблю их. В их лицах светится доброта, покой и радостное восприятие мира. Интересно, что в этом году, ровно 90 лет назад, был причислен к лику святых Серафим Саровский. Прославление его сопровождалось неисчислимыми чудесами и исцелениями. Его «Жития» были опубликованы. Каждое сердце с жадностью внимало словам Серафима Саровского: «Усладился я словом Господа моего Иисуса Христа: «В доме Отца Моего обители многи суть»... и молил я, чтобы Он показал мне их. И был я восхищен в эти небесные обители... ах, если бы ты знал, возлюбленный, какая радость, какая сладость ожидает праведного на небе, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби с благодарением»... Вот что выковывало силу духа, рождало радостное восприятие мира.

Фотография семьи моего прадеда сделана на память о проводах старших детей Пети и Вали на учёбу в Тобольск. Пете 12 лет, Вале – 10, они в строгих ученических формах. В семье пятеро детей: Феше 8 лет, Маше 6 лет, Ване 4 года. Вот так, через два года, друг за другом, в полном согласии с природой, рождались на свет эти милые дети. Огромное значение придавалось в семье воспитанию и обучению детей.

Мой прадед дал своим сыновьям имена апостолов Петра и Ивана. Он вкладывал в это глубинное значение. Здесь, прежде всего бесконечная благодарность первопрестольным апостолам, открывшим всем нам Христа. Огромная радость переполняла сердца апостолов, увидевших воскресшего Бога, явившегося им. Она гнала их по свету с места на место, куда не донеслась ещё весть о Боге Живом, который был их учителем, был, как один из них, хрупким, уязвимым, мучился, принимая крестные муки, и который воскрес!

Апостолы или посланники не могли утаить эту правду и передавали её всему миру, который очень нуждался в ней. С любовью к людям шли они на муки и смерть, потому что у Христа они научились любви. Их сердца были полны такой любовью и жалостью к людям, что они стремились одарить их

знанием о Христе, о чуде вечной жизни и радости, о любви. Они шли и проповедовали. За это их убивали одного за другим, потому что, общаясь с Иисусом Христом, апостолы вырвались вперёд в духовном развитии, а этого им простить не могли, но они всё равно шли. Раньше люди не знали о своей греховности, когда Иисус Христос указал им на их грехи, его возненавидели, потому и предали лютой смерти. «Если бы Я не пришёл и не говорил им, не имели бы греха, а теперь не имеют извинения в грехах своих» (Ин 15-28). Зная неизбежность этого, Бог пожертвовал Сыном Своим, чтобы все, кто последует заповедям, изложенным в Библии, и уверует в Воскресшего Христа, были спасены. Эти люди, простые рыбаки, так полюбили Бога, что жизни свои отдали и за каждого из нас, обучающихся жить по закону любви, читая в Библии их животворное слово.

С благоговением думая об апостолах, и их жертвенной, самоотверженной, ликующей любви, я смело ассоциирую их со своим прадедом и дедом, сумевшими вобрать в себя и передать другим эту любовь.

Мой дедушка, став священником, полностью, в точности повторил апостольский путь. Когда свершилась революция, ему было уже 26 лет, и он успел встать на путь служения Богу. У каждого, кто избрал путь Христа, неизбежно была своя Голгофа, через которую они обретали Царство Небесное.

На фото: мой дед Пётр Федюшин – Студент духовной семинарии.

Была у Петра уже и своя семья. В 1911 году он обвенчался с Юлией, родившейся в 1888 году. Эта удивительно красивая дата явилась ещё более красивым юбилеем: 900 лет назад на Руси было принято Христианство. И совершенно не случайно, что в такую круглую, священную дату, родилась эта ангельски чистая душа.

В 1912 году у них появилась дочь Капочка, а через два года мой папа – Сергей. (В прошлом году ей исполнилось бы сто лет, а папе отметим столетие в следующем – 2014).

В этой одухотворённой семье дети воспитывались очень добрыми и дружными. Как иголочка за иголочкой, так всюду братик за старшей сестрёнкой, всегда они вместе, никогда не ссорились и слова плохого не сказали друг другу, а когда Капочка пошла в школу, Серёжа не мог и часу прожить без неё, и учителя позволяли ему сидеть в школе вместе с ней. Сидел тихонько лишь бы его не выгнали, лишь бы быть рядом с любимой сестрёнкой, и потому грамоте он обучился рано.

Обучался он и игре на скрипке, причём так любил это занятие, что и в ссылку взял свою скрипку, когда даже многие необходимые вещи не могли взять с собой.

Но вернёмся к апостольскому жребию Петра Федюшина – моего деда. Два года он обучался в Тобольской духовной семинарии, а в 1914 году, когда родился второй ребёнок, Пётр Дмитриевич стал дьяком в селе Ишим Исетского района. С 1915 года он – священник. Со всем жаром молодой, глубоко верующей души, он читал проповеди, нёс людям знания из вечной Книги, те самые, евангельские, данные нам первопрестольными апостолами.

Сразу после революции, его и жену Юлию арестовали... дети были совсем маленькими: Серёже – 3 года, Капочке – 5 лет, когда они остались одни. Сердобольная соседка написала об этом Дмитрию Васильевичу. Погоня лошадь, мчался он, объятый тревогой, к своим ненаглядным внукам. Страх за арестованных детей и оставшихся без родителей внуков, полная неразбериха и сумятица, творившиеся в стране, где расстреливали иконы, взрывали церкви, убивали священников, бросали в тюрьмы невинных людей – всё это ассоциировалось в его душе с евангельским описанием бури, когда поняли ученики Христа, плывущие по морю, что угрожает им гибель. Они боролись изо всех сил, но смертная опасность нависла над ними. Страх и ужас охватили их. И внезапно среди бури они увидели Иисуса Христа. Он шёл по бушующим волнам, среди разъярённого ветра и вместе с тем в какой-то пугающей тишине. Ученики в тревоге закричали, потому что не могли поверить, что это Он, а не призрак. А Иисус Христос из сердцевины этой клокочущей бури сказал им: «Не бойтесь, это я». Вспоминая этот евангельский сюжет, Дмитрий Васильевич молил Бога о помощи. Он верил, он знал, что в самом сердце бури, в самом страшном её месте, там, где силы зла встречаются для того, чтобы всё разрушить, стоит Христос, и что все эти силы о Христа, как о скалу, разбиваются вдребезги...

Его молитвами Петра и Юлию на этот раз освободили быстро. Но через год арестовали самого Дмитрия Васильевича. Его забрали в селе Шатров в 1918 году. Больше о нём ничего не известно... таков был жребий моего прадеда. Он испил свою чашу жертвенной любви к Богу до дна.

В 1929 году вновь арестовали дедушку. На этот раз всё было безысходно. Осудили его на 6 месяцев тюремного заключения и 5 лет ссылки, которую он отбывал в городе Колпашево Томской области со всей семьёй, работая сторожем на пристани. Ссылка оказалась пожизненной, девятилетней, с трагичным итогом:

Над Россией злые ветры дули,
Сея горе ненависть и страх.
Время точки ставило, как пули,
Что зияли мрачно в черепах.

Именно по этим зияющим дырочкам определяют злодеяние почти полувековой давности, когда размоет река место страшного захоронения.

На следующей фотографии на обороте написано: «Два поселенца, пригретые лучами Нарымского солнца – плотно сдвинувшись, жмуримся. День Петра и Павла, 1933год». Во всём облике деда ощущается огромная внутренняя сила.

День первопрестольных апостолов свято чтился ими всегда. В служении Богу видели они высокий смысл жизни. Надпись выдаёт поэтичность натуры, но в изъятom у него при аресте блокноте с гравировкой: «Для стихов», оказались только адреса. Видно, не было у него возможности писать стихи в ссылке, и тогда вдохновением Бог одарил меня, чтобы я могла

Ковшом поэтическим золото истин,
Как звёзды вычерпывать в омуте листьев.

Петру Дмитриевичу 42 года, идёт уже пятый год ссылки, судьба подарит ему ещё четыре года. И улыбаются они солнцу, пригревшему их, и жизнь любят, не смотря ни на что. Жизнелюбие, кротость – то, чему учил Христос, всегда были присуще им, но главное – жизнестойкость. Трудились, не покладая рук, строя дом, возделывая огород, разводя пасеку, воспитывая внуков. У тётки Капы уже двое птенчиков. Дедушка успел обогреть их своей любовью. Любви хватало на всех и на тех, кто был рядом, и на тех, кого оставили на родине. В сороковом году папа посетит родные места.

На снимке он в гостях у бабушки Жени, и тётушек: Марии, Феоктисты и Валентины.

На переднем плане сын Валентины – Рудольф, который в молодом возрасте разбился при испытании реактивного самолёта. Помню, как папа, глядя в небо на белую борозду, всякий раз говорил: «Реактивный

полетел». Чтобы бороздили синее небо самолёты, кто-то должен был отдать жизнь. Как известно, в жертву приносили себя всегда лучшие.

Больше детей ни у одной из них не будет.

Всю свою не растрченную любовь они отдадут Богу и ученикам. Все три сестры учительствовали в Тюменской области.

Посылки с кедровыми орешками, которые мы посылали им, стали символом родственной любви. Я застала только бабушку Машу. Папа пристрастил меня переписываться с ней с десятилетнего возраста. Помню, как дула она на больное место, если я ударялась, помню её добрые руки. Этими руками она мастерски делала цветы, окуная их в воск и манку, неутомимо ухаживала за огородом и яблоневым садом, в котором утопал её ветхий домик, в городе Заводоуковске, где завершит она свою праведную жизнь, проводив в последний путь старших сестёр.

Вот ещё одна фотография, на которой задержался взгляд: Сфотографировались 15 июня 1941 года.

Умиротворённые лица. Даже Бабушка Юля, четыре года назад потерявшая самого дорогого человека, сразу состарившаяся после этого, в окружении любимых детей и внуков, к которым она, вся съёжившаяся, сжавшаяся от горя, беззащитно прижимается – затаила в своих морщинках едва заметную улыбку. Они ещё представить не могут, какое новое испытание ждёт всех их, весь наш народ, через неделю.

Война надолго сотрёт улыбки с их лиц.

У тёти Капы Стрижак четверо детей. Всех сохранит она в страшные годы войны.

На 95 году жизни 1августа 2007 года отдала Капитолина Петровна Богу свою душу. В течение 50 лет на все её запросы об отце, неизменно приходил отрицательный ответ. Петра Дмитриевича реабилитировали только в 1989 году, когда шёл уже 1001год с момента крещения на Руси. Какая величественная, графически завершённая дата! В такие даты Бог особенно милостив к тем, кто любит Его. Второго моего деда – священника, маминого отца: Гавриила Ивановича Перевозникова постигла такая же участь, как и папиного отца. Они разделили судьбы миллионов служителей православной веры. История повторяется почти полностью, отличаясь лишь в деталях. Арестовали маминого отца в городе Свободный, 22 апреля – какая злая ирония! Лишить свободы в городе Свободный. И случилось это в день рождения вождя революции. Хотя всё закономерно и символично. Революция преследовала высокую цель: создание гармоничного общества, но изначально была разрушительна, это повлекло за собой цепь последующих событий. Вот почему так важно: созидательное или разрушительное начало лежит в основе всего. Каждый, создавая своё счастливое пространство, живя по заповедям Божьим, и создаёт гармоничное общество. Лишь бы не мешали в этом.

Дата смерти у всех одна: 1937 год. И яма в Нарымской Голгофе тоже для всех общая, та самая, которая через сорок с небольшим лет была размыта вешними водами времени.

Берег много лет спустя размыло,
Обнажая страшный смертный грех:
Общую ужасную могилу,
Той трагедии, скосившей всех.

Беспощадно Обь изобличала
Душу обжигающий террор,
Зло туманом застилало дали,
Произвол был страшен, как топор...

Трупы плыли по реке, и было видно, что многие совершенно избежали тления, будто вчера утонули. Когда их вылавливали и сообщали в милицию, что обнаружен утопленник, то только одежда и следы от пулевых ранений говорили о трагедии почти полувековой давности. Вспомним первых русских святых мучеников Бориса и Глеба. Когда, спустя 4 года после убийства, тело Глеба отыскали, оно не было тронуту ни тлением, ни дикими зверями. Так было со многими святыми мучениками и праведниками, чьи мощи как бесценные реликвии хранятся в церквях, освящая их. «Не дашь святому Твоему увидеть тления» (Д. 13-37) Ореол святости воссиял над всей сибирской округой, где были разнесены повсюду разлившейся рекой около 600 безвинно расстрелянных священников, почти полвека пролежавших нетленно в земле.

Не потому ли природа этого края необычайно врачует душу.

И приголубить, и утешить может
Река, своим течением тревожа.

Когда деда Гавриила сослали, у него было уже четверо детей. Моей маме – Зоеньке, как всегда называл её папа, было 13 лет, самой младшей – Капочке 3 года, а Леночке и Коленьке – 17 и 15 лет. Всех, кроме Капочки, которая из-за малолетства ничего не понимала и потому не пережила тяжелейшего стресса, сразу скосил тиф. Они сгорали от высокой температуры и в бредовом состоянии лезли в погреб. Капочка с плачем тащила их оттуда. Это её самое раннее воспоминание.

Дед Гавриил был прекрасной души человек. Его фотографии не сохранились, но я помню его портрет, написанный на холсте: роскошная борода, голубые глаза, правильные черты лица. Работая в ссылке плотником, он оказался большим умельцем: мог из дерева всё, что угодно смастерить, и так ловко у него всё получалось, да быстро, что люди шли и шли к нему с просьбами, то одно сделать, то другое. Ведь ни у

кого из ссыльных ничего не было: никто их там не ждал, не встречал. Дедушка безотказно всем всё делал, а главное, добрым словом и весёлой шуткой одаривал, тем самым, снискав всеобщую любовь. Мама унаследовала у него любовь к красному словцу, шуткам – прибауткам, щедро пересыпая ими речь. Мой прадед и оба деда священники не только несли людям весть об Иисусе Христе, но, живя по Христовым заповедям, они утверждали присутствие Бога на земле, любовь к которому выразилась в доброте, любви к людям, к жизни.

Моя бабушка – Агриппина Трофимовна, мамина мама, с которой жили мама и папа после женитьбы (дедушек уже не было с ними), проявляла, поистине чудеса мужества и воли к жизни. Вряд ли смогли бы они выжить в трудные годы войны, когда папа был на фронте, а мама с утра до ночи работала в детском саду. (Уже не говоря о первых годах ссылки, которые были намного страшнее и унесли огромное число людей.) Спасло их то, что бабушка неустанно трудилась на огороде, собирала и сушила грибы и ягоды. В самые голодные годы, когда даже муки не было, она запекала ягоду в картофеле, получался вкусный пирог. Спасала земля – кормилица. Крестьянский труд недаром является однокоренным со словом крест. Проявляя нечеловеческие усилия, люди несли свой крест, зачастую ложась костями в эту землю, жертвуя собой. Так утверждалась жизнь.

1888 – 900-летие крещения Руси

Мой дедушка – Гавриил Иванович Перевозников и обе бабушки: Юлия Ивановна и Агриппина Трофимовна родились в 1888 году. Золотом в небесной лазури впишется этот год в историю – год 900-летия со времени принятия Христианства на Руси. Сколько церквей, золотыми куполами утопающих в Божественной сини, будет построено в этом году! А сколько после революции будет разрушено... Сотни тысяч людей, отдали свои жизни за веру во Христа, нёсшего свет, но мучениками были не только люди, но и храмы, страдавшие от поруганий, осквернений и большей частью в итоге разрушенные руками богоборцев.

Павел Кошаров. Свято-Троицкий собор

Местом силы для меня во время учёбы в университете была Ново – соборная площадь, тогда площадь революции, на которую я любила ходить перед каждым экзаменом. Возможно, я интуитивно

чувствовала энергетику этого места. Раньше здесь был Свято-Троицкий собор, малая копия храма Христа Спасителя. Ангелы незримо присутствуют здесь.

50 лет строили этот прекрасный собор, а через 30 лет взорвали. Любуюсь этим храмом на картине Павла Кошарова, и душа моя плачет: «На такую красоту руку подняли!»

Клич: «Каждому томичу по кирпичу», – не был подхвачен, простым людям не хотелось быть причастными к этому злодеянию, пришлось кирпичи использовать для подземного перехода. А вот, когда спустя годы, тополь, выросший на обломках, упал, так вот тогда томичи вытаскивали из-под корней обломки кирпичей и разносили по домам, как бесценные реликвии, напоминающие о разрушенной святыне. Невозможно истребить неистребимое. Этот собор ещё не восстановлен, но идея витает в воздухе. Возможно, здесь повторится история храма Христа Спасителя, который благодаря энтузиазму людей, работающих день и ночь, так, как умеют трудиться испокон веку россияне, объединённые высокой целью, в кратчайшие сроки был восстановлен в 2000 году на бесчисленные пожертвования.

На фасаде Томского университета увековечена дата: открыт в 1888 году. Изначально главный корпус был церковью Казанской иконы Божией Матери при императорском университете. Вместо шпиля на маковке был крест. Учась в университете, я каждый день видела красивое кружево цифр – священный год, и, наверное, неслучайно меня так и влекло под сень этой бывшей церкви, где мы напивались возвышенной энергией ежедневно, подолгу гуляя по университетской роще. Обласканный нашей любовью, фасад здания, с вечной датой 1888, и роща были постоянным местом притяжения.

Этой священной дате – 900-летию крещения на Руси обязаны мы открытием университета, превратившего Томск в Сибирские Афины. Обе мои дочери и зять учились здесь.

На фото студенты факультета информатики: выпуск младшей дочери. Она во втором ряду в центре. Справа на фасаде здания видна дата: открыт в 1888 году.

Восьмёрка – символ бесконечности,
Утроенный, он рвётся ввысь,
Повиснув кружевами вечности...
Внимательнее приглядишься:

Их гордо держит на фасаде
Любимый университет.
Нежней младенца...и при взгляде
Теплеет сердце столько лет.
Они незримо помогали
В любви, в учёбе и в быту,
И счастья открывались дали,
Душа стремилась в высоту.

НОСТАЛЬГИЯ

1025 лет прошло со времени крещения Руси. Если не в камне, то звёздами в небе, такие даты должны быть в жизни каждого человека, без этого нет у него чего-то главного. Не по этим ли цифрам на белом фасаде, не по этой ли роще и лесу тосковала я, живя долгие годы в Казахстане.

Я по кирпичику воссоздаю в душе разрушенный храм. И, чтобы подняться в небо, мне нужно было опуститься в подвал бывшей тюрьмы, где на снимке белая рубашка моего отца озарила весь мрак и ужас прошлого вечной радостью и жизнью, где с улыбкой смотрят в вечность мои дед и прадед.

Посланцами остались до конца,
Хоть выпало мучений много,
Чтоб в наши хлынула сердца
Разбуженная вера в Бога.

Я бесконечно благодарна Нине Поликарповне Фаст и её сыну священнику Михаилу, написавшим книгу «Нарымская Голгофа». Они восстанавливали добрые имена тех, кого в годы сталинских репрессий не только обесчестили, назвав «врагами народа», но стёрли с лица земли, расстреляв тайно, злодейски, своих же сограждан, причём самых лучших... Целыми днями, долгое время, торопливо, боясь, что в любой момент им могут это запретить, прежде это было запрещено, переписывали эти подвижники сведения из папок под грифом «Х.В.» – хранить вечно, который расшифровали по-своему: «Христос воскрес!» ...

В начале 90-х ностальгия абсолютно не стала давать мне покоя. Перед глазами стояли картины детства и юности, связанные с сибирской землёй. Вспоминалось, как мы любили ходить в лес, на Светлое озеро порыбачить. Вода в нём была такая чистая: войдёшь по горло, и дно видно. Навсегда запечатлелись в душе прогулки в заснеженное лесное царство. Походы полюбила на всю жизнь, они рождали эйфорию: идёшь, идёшь, и хочется идти. С тех пор, как я начала осознавать себя, всегда испытывала огромную силу воздействия на меня природы, блаженства полного растворения в ней. Родители старались сделать всё, чтобы было в нашей жизни больше радости. Помню свою куклу Алёнушку – самую большую и красивую. Мама купила её с первой полочки. Столько времени прошло, а перед глазами стоит этот счастливый миг, когда я вытащила её из коробки.

А как мама рассказывала сказки! Сердце замирало, и невольно набегали слёзы. В долгие зимние вечера перечитали многих классиков русской и зарубежной литературы.

Чужую боль переживать
Нас научила в детстве мать,
О, как её любили слушать!
Нам горе разрывало души.
И благородный Жан Вальжан
Был, как пример, для жизни дан.

Папа выстроил два дома. На улице Пушкина, я прожила до 10 лет, второй дом помогала сама строить: прокладывала мох, подносила инструменты, была на побегушках. Пулей летела от одного дома до другого. До сих пор помню эту влажную, лакированную тропку через огород: босиком бегала до глубокой осени. Мама создала в доме уют, всё украсила своими руками. На комодѣ стояли статуэтки и вазы с цветами. Цветов было много и в доме и в палисаднике. Никогда не забуду, какие красивые были у нас георгины! И ведь надо было уметь сберечь эти теплолюбивые растения в нашем непредсказуемо суровом климате, где даже в июне бывают заморозки. Над диваном, где я спала, была большая картина Шишкина «Среди долины ровныя», название взято художником из старинной народной песни – я подолгу любовалась ей. Папа пробовал обучать нас игре на скрипке, которая сохранилась у него с того счастливого времени до ссылки.

Добился он тогда немного,
Но музыку умеем слушать,
А, главное, тропинку к Богу
Открыл он нашим жадным душам.

Отношение к людям у него было очень бережным, уважительным. К себе он был очень строг и требователен, а к другим добр и нежен, особенно в семье. Если мы ссорились, называл нас сердитыми воробышками. В постоянной борьбе за выживание, в вечной заботе о других, родители совершенно забывали о себе. Мы даже их дни рождения никогда не праздновали, хотя я хорошо помню, как радовалась, находя под подушкой подарки. Когда родился наш первенец, папа сказал: «Теперь у них радость». Через две недели он умер.

Наблюдая, прослеживая в памяти жизнь моих родителей, я поняла, что зла в мире станет меньше пусть даже на одну конкретную человеческую единицу, которая живѣт по законам добра. Такая простая арифметика, и примером этой арифметики были мои родители: они не только не озлобились, не ожесточились сердцем, напротив, очень любили жизнь и нам привили эту любовь. А ведь на их долю выпало столько трагических испытаний: революция, гражданская война, ссылка, расстрелы, Отечественная война.

Тѣтя рассказывала, что шинель, в которой папа пришѣл с войны, была вся в дырочках от пуль, как решето. Просто невозможно представить, как можно было уцелеть в такой шинели. Бог миловал его. Мне виделся папа, бегущий в атаку: полы шинели вздымаются, как крылья птицы, и потому пули, пробивая шинель, не затрагивали его. У папы было много орденов и медалей, они лежали в ящичке комода, он их никогда не носил. Я часто рассматривала их, брала поиграть.

В годы войны и маме пришлось хлебнуть лиха: и холод, и голод, и вечное недосыпание, и изнуряющий труд, и смерть детей. Но ничто не могло сломить её дух, я запомнила её весѣлой с вечными каламбурами, шутками, песнями, она заражала своей неуёмной жаждой жизни, любое дело кипело у неё в руках. Работала до изнеможения, потом тѣтя Капа (она стала врачом), отпаивала её валерьянкой, подносила к носу нашатырь.

Дождь слепой, трава и мы – босые,
Смех родительский ласкает нас.
Здесь, в дремучей стороне России,
Детство своё вижу, как сейчас.

Вижу папу... в синем – синем небе
Укреплял он домик для скворцов,
Увлекал рассказами про небыль,
Но всегда молчал про смерть отцов

Невзначай разбила его скрипку,
Словно душу отняла навек...

Реже стала озарять улыбка –
Так зима скрывает силу рек.

Рядом с ним нам было так отратно,
Так спокойно было нам всегда,
Что порой мне хочется обратно,
Через расстоянья и года.

Память воскрешает образ мамы,
В выцветшем платочке до бровей,
У навозной грядки с огурцами
В вечной битве с долею своей.

В день грибной красивый голос вольный
Ширь лесную мерит, сердце мрёт.
Что-то в песне защежит до боли,
Переполюя и взрывая лёд!

И люблю я перелески эти
С белым росчерком святых берёз!
Знаю: нет родней земли на свете,
И другой пейзаж не выжмет слёз.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И вот, вернувшись, мы поселились в Томском районе, где нам выделили квартиру в оздоровительном лагере «Восход», близ деревни Большое Протопопово. В этом году исполнилось 20 лет, как мы живём здесь. Это, поистине, уникальное место, где только два пятиэтажных жилых дома, а остальные здания – корпуса лагеря. Название удивительно подходит к нему: по утрам в ясные дни меня будит солнце, ярко вспыхнув разноцветными огоньками в хрустальной люстре, и радостный гомон птиц, приветствующих восход солнца. Живём в лесу, как когда-то мечталось.

Мы мечтали, как приедем снова
В те места, любимые до слёз,
Подчинившись вековому зову
Из далекой юности берёз.

Вдруг таким реальным стало счастье,
Хоть рукою подойди и тронь:
С трепетом к стволу в зелёной чаще
Прикоснулась ласково ладонь.

В этой деревне, где кедрач, обладающий мощной энергетикой, рельефно вписывается в небо, недавно построил домик мой двоюродный брат, сын тёти Капы Стрижак. Обе ветви нашего рода переплелись здесь, в этом благодатном краю.

Резким контрастом загазованности, когда едешь из города, ощущается неповторимый запах кедрача, в котором расположились и Большое и Малое Протопопово. Люди стремились обозначить святы места на земле, дав такие названия деревням, которые окружал величественный кедровник.

Судьба кедрача болью пронзала моё сердце: трагические катаклизмы выпали и на его долю.

Давит сердце мне, ну хоть ты плачь,
Спиливают наш родной кедрач.
Не жалеют гордой красоты,
Опустело всё на три версты.
Давит сердце мне, ну хоть ты плачь,
Где же ты, душа моя, кедрач?
Всё у нас перевели в рубли,
Что им до того, что полегли
За родную землю, за кедрач
Наши земляки, ну хоть ты плачь.
Был в войну кормилец он и врач,
Души исцелял родной кедрач.
Давит сердце мне, ну хоть ты плачь,
Спиливают наш родной кедрач.

Многочисленные звонки во все инстанции остановили беспредел. Сейчас кедрач объявлен памятником природы, который охраняется государством.

ЗЕМЛЯКИ

У многих людей на этой земле, потрясающие судьбы, опалённые двумя трагедиями: массовыми репрессиями тридцатых годов и второй мировой войной, они словно переливаются одна в другую, дополняя и усиливая общее впечатление от широкой панорамы жизни.

Фёдорова Анна Григорьевна поведала свою историю.

Родилась она в селе Комп Алтайского края. Война застала её в Кемеровской области, куда в тридцатых годах была сослана вся их семья: она в четырёхлетнем возрасте, родители и тётя с дядей и двумя ребятишками. Обычная история: раскулачили, потому что в хозяйстве была корова и лошадь, заклеили «врагами народа» и отправили на центральный золотопромышленный рудник, где раньше отбывали повинность каторжане.

Вот таким образом в рекордные сроки осуществлялась индустриализация страны.

Родители её: **Шибряев Григорий Иосифович** и **Евдокия Егоровна** старались хоть чем-то облегчить участь таким же ссыльным, которые были брошены на произвол судьбы. Отец исцелял молитвой, мать принимала роды и погружала новорожденных с молитвой в купель. Жила Аня и училась в интернате. Война осложнила и без того нелёгкую жизнь. Ей было уже пятнадцать, когда подросткам пришлось заменить на руднике ушедших на фронт взрослых: таскали вагонетки, носили корбиты – свечи, канавы копали, да разве всё перечислишь. Одним словом, добывали золото, которое было необходимо стране, как никогда.

Семья её будущего мужа тоже была сослана в Сибирь. Все три сына **Фёдоровых** были отличниками, учились в Томском университете. Старший – **Виктор** ушёл на войну с пятого курса университета, был разведчиком. Во время одного из заданий был ранен в висок и умер. До сих пор в университете висит его фотография. **Николай** был моряком, их корабль потонул в 43. А младший – **Василий**, за которого Анна вышла замуж в 47 году, чудом остался жив. «Если бы не тётя Дуся, то не избежать бы ему расстрела в 37 году, – начинает свой завораживающий рассказ Анна Григорьевна, – и это, наверное, не, случайно, что Василий был вырван из лап смерти: продолжился род Фёдоровых. Семья моего мужа всю жизнь прожила в Ленинграде. Его родная тётя – **Евдокия Дмитриевна** была замужем за генералом **Говоровым**. Когда над Василием нависли чёрные тучи беды, тётя Дуся умоляла мужа о помощи. Генерал Говоров ходил с просьбой к заместителю председателя – Маленкову. Расстрел заменили тюрьмой: шесть лет по тюрьмам, даже на знаменитых Соловках был».

Вот и кульминация рассказа: «Я одна осталась из рода Фёдоровых, Бог дал нам детей, и они очень хорошие. И всё это молитвами нашей тёти Дуси. Когда её единственный сын погиб на войне, генерал Говоров уехал в Москву и женился. Евдокия Дмитриевна оставила нищим свою прекрасную квартиру на Карповском и ушла в монастырь. Всю свою жизнь, а прожила она больше ста лет, тётя Дуся молилась за нас. Кроме нас у неё больше никого не было, хотя своей любовью она согревала души очень многих. Много священников было сослано в город Мариинск Кемеровской области. Тётя Дуся посылала им посылки, навещала их и к нам заезжала. Так было и в 52 году, и в 53, и в 54. Привозила всегда много книг, но кто-то донёс, что к Фёдоровым монашка приезжает, ведёт церковную пропаганду. Чтобы не навредить нам, тётя Дуся перестала ездить, но молилась всегда. Её молитвами и живы». В 54 году Анна Григорьевна с семьёй переехала в деревню Большое Протопопово.

Во всём она усматривает промысел Божий, именно такое название дорого её душе, вызревшей любовью к Богу. В этом заповедном краю особенно остро ощущается связь с душой природы, со Вселенной:

Сладчайшее слиянье со Вселенной
Я чувствую, как близок Бог,
Что даже самый тихий вздох
Моей любви расслышит непременно.

В деревне на средства верующих при поддержке Мирненской Администрации построена маленькая часовня на месте давно сгоревшей церкви, Анна Григорьевна всегда посещала воскресные службы. Когда дети разъехались, а муж умер, молитва давала силы жить. Силу молитвы она познала ещё с детства, когда отец говорил ей: «Молись Николаю Угоднику, он поможет». Святитель Николай – любимейший святой русского народа, не отказывающий в просьбах молящимся ему. «Никола – второй после Бога заступник», – говорят о нём. Мольба Анны Григорьевны дать ей лёгкую смерть, чтоб на

своих ногах, чтоб не быть никому в тягость – была услышана. Она умерла в 65-летие Великой Победы. Навестила соседку: Казадаеву Антонину Петровну, пришла домой и умерла.

Как хорошо, что я успела записать её удивительную историю. Многие наши земляки ушли, навсегда забрав с собой своё прошлое, свои судьбы, из которых соткано наше единое полотно жизни. Когда шла из «Восхода» в Большое Протопопово, была сильная метель, а вышла от Анны Григорьевны и поразилась: небо очистилось, в него возвышенно красиво вписывались кедры, обрамляющие деревянные кружева дома напротив:

Всю дорогу, вспоминая её рассказ, думала о силе Слова Божьего, по которому она живёт.

Постигаю лучистое Слово,
Заслонившее ссылку, расстрелы...
Сколько в нём бесконечно родного,
Сохранившего мир в душе белым.

Почти век прожила **Александра Александровна Косых**, а вспомнить нечего. Родилась за год до Октябрьской революции и по её судьбе можно оценить значение революции и коллективизации. Отец её Александр Петрович жил с тремя братьями в одном доме, и когда женился на Акулине Дмитриевне, то не отделился: вместе было легче вести хозяйство. Был у них на Алтае в деревне Романовых большой дом, корова, лошади, два амбара, вот за это и поплатились, когда разделились все на кулаков и бедняков и пошли войной друг на друга. Пришли к ним чекисты, потребовали убираться из дома. У них уже четверо ребятишек было. Сели все на телегу и отправились в дальний путь в Нарым, куда раньше политзаключенных ссылали. Вот только политзаключенные жили в значительно лучших условиях. Партдеятели социал – демократии не работали и находились на снабжении, о них написано множество восторженных книг, которыми я в юности зачитывалась. Не было ничего общего у политзаключенных со спецпереселенцами, для которых сибирская земля стала бесчисленной коллективной могилой. «И всех братьев отцовых сослали, и сестру, которая жила отдельно со своей семьёй, тоже», – перечислила Александра Александровна. Долго добирались в сибирскую глухомань, где их никто не ждал, где не было жилья. Причём, в ссылке их ещё и разделили: отца отправили в Тегульдэт. Вот так легко ломались человеческие судьбы. Раскулачивание процесс пыточный, издевательский. Спецпереселенцам запрещено было перемещаться, у них не было паспортов, у них не было никаких политических и гражданских прав. Для быстрого проведения коллективизации самых «злостных» решено было выслать, чтобы другие без принуждения вступали в колхозы. Действовать нужно было стремительно, «чтобы народ не успел опомниться».

Пять лет прожила в ссылке Александра. В девятнадцать, когда получила паспорт и право голоса, решила вернуться на родину. Ребята её отговаривали: «Оставайся, мы тебя здесь замуж выдадим», – но её неотвратимо влекло на родину, туда

Где не сдержат рыдания,
Родной пройдя дорогой,
Где память и мечтания
И грусти много – много...

а, когда вернулась, пришла в отчаяние. У них две пашни было, всё перешло в колхоз. Ничего там у неё теперь не было. Поняла Александра, что к старому возврата больше нет, хотела уехать. Старшая сестра говорила: «Привыкнешь, привыкнешь». Не привыкла, не смирилась. «Вскоре после переезда на родину, сыночка Коленку похоронила, ему одиннадцать месяцев всего было. Так больше ни за кого и не вышла, хотя сватали, всем говорила: «Нет».

В годы войны она работала в артели имени 21годовщины Советской власти, катала валенки. Трудилась, как и все под лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы». После войны покинула-таки родные места, перебралась в Кузбасс, прожив там почти всю жизнь. Потом зять написал письмо, позвал в Томск: «Давай, переезжай, будем все вместе». Долго не раздумывала, была легка на подъем (с детства приучили). Живёт она теперь в оздоровительном лагере «Восход».

Слушая короткие рассказы, где сконцентрированы судьбы людские, объединённые общей трагедией, словно перелистываешь книгу самой жизни, читать которую невозможно без горя и слёз: как оголённый провод, задевает обнажённый нерв.

Любовь Яковлевна Леонова на всю жизнь запомнила, как провожали на войну земляков. Палуба парохода накренилась на ту сторону, на которой столпились уплывающие на фронт новобранцы. Они что-то кричали, махали руками, рвали на себе рубашки и бросали в воду. Прощальный гудок парохода разрывал сердце.

Она листает тёмно-вишневые, инкрустированные золотом Книги памяти. Находит дорогие сердцу имена. Глаза становятся похожими на расплывшиеся в лужах фонари.

Пять огромных томов. В них фамилии воинов, погибших на войне, только из нашей Томской области. Как тяжелы эти книги! Просто физически ощущаешь, какая огромная беда обрушилась на всю нашу страну, если только из одной области столько имён. А сколько осиротевших семей, не состоявшихся судеб, разрушенного счастья, сколько горя.

У Любви Яковлевны непростая судьба: она была совсем маленькой, но запомнила, как однажды ночью к ним постучали и арестовали отца: **Якова Ивановича Васильева**. Люба выскочила на крыльцо – холодный ветер пронизывал насквозь. Сопровождающий крикнул им: «До свидания!» Арестовали в ту роковую ночь 33 года в деревне Вороново Кожевниковского района еще 12 человек. Осудили её отца на десять лет. Срок он отбывал в Мариинской тюрьме Кемеровской области. Он обращался с письмом к Калинин, прося о помиловании: в семье было пять маленьких детей. Срок сократили до пяти лет. Реабилитировали его весной 58 года.

Её дядя – родной брат **Марфы Афанасьевны** – матери Любы, отбывал срок на Колыме.

На фото: П. Липухин

У него удивительная судьба: **Липухин Павел Афанасьевич**, осуждённый на 10 лет, после освобождения не получив разрешения вернуться на родину, работал на Колыме ещё 7 лет. Только после смерти Сталина он получил паспорт и был реабилитирован. Он всю жизнь рвался к знаниям, учился в Томске и Ленинграде, хотел стать писателем, но судьба распорядилась по-другому: он окончил Ленинградский институт водного транспорта. Вернувшись в Томск, работал инженером в речпорту: механизировал нелёгкий труд грузчиков, за что его назвали «революционером производства». В 37 году стахановец был арестован. Его любовь к писательскому труду позволила сохранить для истории весь ужас тех лет.

Произведения: «Суд скорый и неправый», «Колыма», «Два года» он объединил одним названием «Три ступени ада». «Душа запросила всё наболевшее высказать на бумаге, – писал он, – далеко виден горизонт, где-то вот за этим горизонтом, за этой далью Томск, отчий дом». Сквозь мрачные будни, наполненные изнуряющим трудом и нечеловеческими условиями жизни, проглядывал свет воспоминаний, который озарял его поэзию. Из-за постоянных обысков, стихи приходилось прятать за заплатку в башмаке, но без поэзии он уже не мог жить.

Когда началась война, многие заключённые писали заявления с просьбой отправить на фронт, чтобы кровью смыть свою «вину», защищая Родину. Неоднократно писал и Павел Липухин, но ответа не было. «Мы не пожалели бы своих сил для защиты Родины. Кроме «врагов народа» нам добавили кличку «фашисты», слышать это было невыносимо», – с поздним раскаянием он вспоминал о том, что и сам, когда объявили «врагами народа» Тухначевского, Блюхера и многих других, осуждал их. Только попав в их шкуру, осознал, что это значит, носить страшное и несправедливое клеймо.

Павел Афанасьевич Липухин был человеком огромной силы духа, уверенным, что с ним ничего не случится. И, действительно, его, закалённого спортсмена, плавающего в Оби до самых морозов, ничто не брало. Рядом с ним заключённые один за другим умирали от тифа, он выжил. Однажды его посадили в холодный изолятор. Когда стало клонить ко сну и нестерпимо захотелось лечь на ледяной пол и

заснуть, он знал, что, если заснёт, то это – смерть, и началось бешеное мотание из угла в угол: борьба со сном и смертью. За 17 лет силы его иссякли, на родную землю спускался с трапа на коленях – ноги отказали. Но жизнестойкость и воля остались: он знал, что победит недуг. Усиленными тренировками он привёл себя в норму. «На девяностолетие отплясывал вприсядку», – вспоминает Любовь Яковлевна. Кроме любви к литературе и жажды жизни была у него ещё одна страсть: стремление к познанию. Уже после Колымы Павел Афанасьевич вновь набросился на учёбу, за что тоже был неоднократно наказан. Он прожил без пяти месяцев сто лет и умер почти в одно время со своей девяностолетней женой.

Следующие строчки стихов Павла Липухина, посвящённые землякам, можно было бы взять эпиграфом ко всей главе:

Хочу я песню с вами спеть
И за столом оттаять.
Не важно, где застанет смерть –
Милей оставить память.

О себе Любовь Яковлевна рассказала кратко: «После окончания Томского мед техникума, в 42 году была распределена в деревню Монастырка Шегарского района, где работала в медпункте». Там она и познакомилась с **Михаилом Михайловичем Леоновым**, который в 44 году был демобилизован с фронта. Молодым парнем Михаил уехал на Урал. На срочную службу был призван из Челябинска в сороковом году, потом на фронт. Воевал под Ленинградом в 314 стрелковом полку.

На фото: Леоновы Михаил и Любовь

Когда блокада Ленинграда была уже снята, он получил множественные осколочные ранения, наступив на мину. Вернувшись под материнское крыло в родную Монастырку, он попал в добрые руки Любы. «У него был повреждён позвоночник, нога, лицо, особенно пострадали глаза», – рассказывает Любовь Яковлевна. «Осколки из глаз вынимали магнитом, долго отпаивали его рыбьим жиром, таким образом, зрение удалось спасти». С большой любовью выхаживала его Любовь Яковлевна. Молодые, красивые, они сразу распахнули сердца навстречу друг другу.

Вскоре они поженились и прожили вместе до самой его смерти. «Он прожил ровно 70 лет: в 1921 году родился и умер в 1991, 23 июля день в день».

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Михаил Михайлович был награждён орденом Отечественной войны 1 степени. Любовь Яковлевна бережно хранила его, а также множество юбилейных медалей.

Любовь к родной земле в годы тяжёлых испытаний рождала массовый патриотизм.

Клавдия Михайловна Протопопова – проводила на войну двадцать человек. Все они погибли. Навсегда врезался ей в память тот миг, когда бросился на дорогу за уходившим на войну отцом их

маленький сынишка с криком: «Папа! Папа!» – словно знал, что война отнимет отца навсегда, и он его больше не увидит никогда... Муж Клавдии Михайловны погиб в 41-м году. Она не знает, где его могила. В Лагерном саду Клавдия Михайловна отыскала на мраморных плитах его фамилию, там и вспыхнули её гвоздики алой кровью.

На фото: У вечного огня

На фото: Игнатов С. М.

«Мать день и ночь молилась», – говорит **Алексеева Анастасия Михайловна**. (Теперь её зовут Надеждой). А что ещё оставалось матерям?

Только уповать на Бога. Вымаливать прощение за то, что попрана была вера во Христа в семнадцатом году, растоптаны святыни. И вымолила – таки Евфросиния Афанасьевна жизнь своему

сыночку: **Степану Михайловичу Игнатову**, который видел все ужасы войны, пройдя её от начала и до конца.

Особенно его потрясло то, что детей сжигали в печах. Это был ад. Как начнёт рассказывать, все надолго умолкают.

Видно, суждено было быть нашей стране истреблённой в этой чудовищной войне, как были истреблены Содом и Гоморра, если бы не вернулись мы к вере в Бога. Христианство выбрала для нас равноапостольная княгиня Ольга, задолго до его принятия. Одарённая необыкновенным умом, как писал о ней Карамзин, «она уверилась в святости христианского учения. Неустанно говорила о мире, коим наслаждалась душа её с того времени, как она познала Бога истинного». В своё время своей мудростью она надолго обеспечила Руси мирную жизнь.

Ранило Степана Михайловича, когда уже флаг над рейхстагом поднимали. После победы, окрылённый, он ехал домой, предвкушая встречу с близкими, о которых думал всю войну, но на станции Куэнга его вернули на Японскую войну. Пришёл после Японской весь израненный, слепой и глухой. «Старшая сестра, (у которой мужа в 37 расстреляли, и потому она жила с нами), доила корову, мать молилась, когда он на костылях и слепой стал дверцу ворот дёргать. Сестра бежит и кричит: «Ой, ой, брат вернулся!» Все его окружили, что-то говорим, а он не слышит, стоит на костылях и плачет» Надежда Михайловна, помолчав, продолжила свой рассказ: «Письма писал редко, на передовой было не до писем. Снаряды рвались так близко, что однажды его полностью засыпало в окопе землёй, так бы и остался он заживо погребённым, да товарищи видели, как его засыпало, откопали».

Раздарил Михаил подарки своим родным и с головой окунулся в мирную жизнь, о которой мечтал все эти годы. «Он был золотой человек. Женился, трое детей родилось, вот только пожить довелось не долго, дали знать себя раны. В начале шестидесятых умер», – вздохнув, сказала она.

О военном детстве Надежда рассказала кратко. Ей исполнилось восемь, когда началась война. Жили они в городе Сретенске Читинской области. В Сретенске она и пошла в школу. Черевички из кожи сшили, в них и ходила. Во время войны, их из дома выселили, в доме разместили пленных, так целый год прошёл. Копали окопы, думали, что фронт дойдёт до Сретенска. Военные гарнизоны стояли совсем близко. «Голод был большой. В поле колоски насобираем, сестра зерно смолит и лепёшки настряпает. Так и перебивались».

Любовь Григорьевна Драчёва рассказала о своем отце: **Гурьянове Григории Васильевиче**.

На фото: Гурьянов Г. В.

22 июня в 10 часов утра он должен был ехать со срочной службы домой. Вместо этого поехал на передовую. Воевал на 2 Украинском фронте, был командиром 268 отделения истребительной противотанковой дивизии. Награждён орденом Красной Звезды за освобождение Праги, орденом Отечественной войны 1 степени, медалью за отвагу и за победу над Германией, юбилейными медалями. Он не любил вспоминать о войне, а тем более бахвалиться, но всегда говорил, что ещё один орден Красной Звезды его ищет. Он был совершенно уверен, что этот орден его найдёт. Когда его представили к награде, он был в госпитале, но, чтобы не отстать от своей части, удрал из госпиталя на передовую. Очень боялся потерять своих товарищей, с которыми связывала крепкая фронтовая дружба. За год до смерти орден его, действительно, нашёл.

В газете «Томское предместье» была статья «Два артиллериста». Как током прошло, когда встретила родная фамилия, а сам Григорий Васильевич только воскликнул: «Я же вам говорил, что второй орден меня найдёт!» Орден был дан ему за немецкий бронепоезд, который всё время ходил по линии фронта и бомбил наши части. Всё поле вокруг бронепоезда было заминировано. Сколько человек подбиралось к нему, все взрывались. Григорий Васильевич был связистом артиллерии. Однажды у него прервалась связь. Он должен был идти налаживать её. Бесстрашно, прыжками, как заяц, пробирался он через минное поле, напрочь забыв о себе. Он помнил только о необходимости наладить связь, да ещё о том, что надо разбомбить этот бронепоезд. Наладив связь, он с места стал давать точную ориентировку, куда стрелять нашим «Катюшам». Бронепоезд был разбит. За этот подвиг его и наградили. Отчаянная смелость вела его вперёд, а возвращаться обратно через минное поле было страшно. Трижды он был контужен за годы войны, это очень сильно отразилось на его здоровье в мирное время. Демобилизован был только в мае 46 года. Пришлось воевать на Украине с бандеровцами.

Аксёнов Георгий Афанасьевич родился в 1926 году в деревне Аксёново. Рассказывая о нём, жена его, **Надежда Павловна**, всё время плачет. Из последних сил ухаживала она за ним в последние дни его жизни.

«Ведь я любила его», – такие слова, сказанные в 81 год, дорогого стоят. Они были из одной деревни. В марте 43 года Георгий Афанасьевич был призван на фронт Томским райвоенкоматом. Воевал в составе 21 войсковой части 53 пограничного отряда в качестве стрелка и кавалериста в звании сержанта. У него был конь по кличке Опасный, которого Георгий очень любил, с которым составлял одно целое, можно сказать, сросся. Из каких только невероятных переделок не выносил его этот конь.

Участвовал Георгий Афанасьевич и в войне с Японией. «Это было месиво: за один месяц Японию разбили – страшное время», – говорит Надежда Павловна.

В 47 году, когда Георгий приезжал на побывку, встретился он с Надеждой. После этой встречи они всё время переписывались, а когда вернулся, сразу поженились, хотя жить вместе им не пришлось: их разлучили. Только последние двадцать лет жили вместе.

На фото: Надежда и Георгий в 47 году.

Это самое дорогое, что у неё есть. Дрожащими руками она дала фотографию со словами: «Георгий всю жизнь носил эту фотокарточку у сердца. Я уничтожила все его фотографии сразу после того, как разлучница женила его на себе, придумав, что беременна и покончит с собой, если он не женится».

Через год после его женитьбы, Надежда вышла замуж за Василия. Сразу после его смерти, Георгий пришёл к ней, и они больше не расставались.

Надежда Павловна Аксёнова из многодетной семьи. Мать – **Евгения Родионовна**, была очень красивая. «Потому отец и женился на ней, простой колхознице», – сказала она. Из всех детей в семье Надежда последняя – семнадцатая. Отец её очень любил, и она вспоминает о нём с большой теплотой: «Он был очень хороший человек, грамотный. Работал в Томске десятником в областном дорожном отделе, строил мосты. Сам чертил проекты». С детства все были приучены к труду.

У Надежды Павловны нет звания «Труженик тыла». «Когда я сдала документы на подтверждение звания, в архиве ответили, что из колхоза «Памяти Ленина» сведений обо мне не поступало. У меня и справка есть и свидетели, но добиваться не стала, хотя мы с напарницей Лидией Михайловной Черновой работали, как настоящие трудоголики. Весь день молотили, а ночью ток чистили. Председателем колхоза был Андрей Локтев, демобилизованный с войны без руки, ох и гонял он нас, никакой пощады не давал. Только упадёшь на лавку хоть немного поспать, в четыре часа уже стук в окно, и идёшь работать – так мы были воспитаны, лодырей в семье не было», – подытожила она.

В мирное время Надежда Павловна 30 лет проработала в военкомате. Ей присвоено звание «Ветеран труда». Награждена медалью в честь 100-летия со дня рождения Ленина, знаком «Победитель соц. соревнования» и в честь 400-летия Томска – за заслуги перед городом.

Здесь же прошли молодые годы учительницы **Антонины Фёдоровны Семёновой**

Она часто с любовью вспоминала о родной деревеньке: «Дома строились там из лиственницы, а это значит – надолго. Как я любила гулять по деревне босиком, наполняясь силой, идущей от земли! Вокруг росло много шиповника, ягод, грибов, а какие шишки были тогда крупные, ядрёные. Раньше срока никто не начинал заготовку орехов, делали это всегда организованно. За школой был красивый парк. На летний отдых сюда привозили детей из города. Природа была тогда девственно прекрасной».

Её воспоминания ассоциировались со стихами:

«В красоте присутствует Бог»

(Ф. Достоевский)

Восхищения вырвался вздох –
Да, поистине, есть в этом Бог:
Ореолом увенчан кедрач...
В белоснежном халате, как врач,
Он целитель измученных душ.
Воссияет дремучая глушь:
Кедры с солнцем затеют игру,
Разноцветье лучей соберу.
Кто-то ищет заморских чудес,
Я иду в свой заснеженный лес:
Исцелюсь и вернусь молодой,
И душа моя вспыхнет звездой.

У Антонины Фёдоровны Семёновой война украла жениха.

Она показывала мне фотографию красивого лётчика и маленький треугольничек – письмо с фронта. В нём простые, трогательные слова первой любви. Он написал их ей накануне последнего в жизни полёта. Эти слова жгли ей сердце всю жизнь. Рассказывая о нём, она сразу оживлялась, лицо её расцветало какой-то внутренней одухотворённой красотой.

По воспоминаниям Семёновой А.Ф.:

«Был настоящим соколом,
В небе погиб молодым,
Счастье бродило около,
Миг... и исчезло, как дым,
Но загорелось звёздами,
Сшив нас, как прочная нить.
Так суждено и созданы
Только друг друга любить».
Льются воспоминания
Женщины немолодой –
Жизни её сияние

Вспыхнуло яркой звездой:
Жизнь её одинокая,
Пепел от пышных кос,
Молодость ясноокая
Пущена под откос.
Горечь и сострадание –
Лётчик погиб в бою.
Вечной любви мерцание
Жизнь осветило мою.
Солнце плеснуло золотом
В косы весенних берёз,
Что же по сердцу холодом
Память потоками слёз...

Антонина пронесла огромную любовь к своему соколу через всю жизнь. Для неё он навсегда остался молодым, таким, каким она запомнила его в дни их короткой, но очень сильной любви. Больше она никого не смогла полюбить.

Плотникова Нина Васильевна рассказала о своём отце – **Василии Спиридоновиче Боровцове**, который был мобилизован на войну в 42 году из посёлка Гортоп, Калтайского сельского Совета, где работал в леспромхозе

В июле 43 он был ранен в ногу, полгода лежал в госпитале и в январе 44 вернулся домой без ноги. Только в 68 году нашёл Василия Спиридоновича орден «Красного Знамени».

На фото: Боровцов В.С. слева.

У отца Нины было четыре брата. На Афанасия пришла похоронка, Алексей всю войну прошёл, вернулся подполковником. Младшие служили уже после войны.

Нине было восемь, когда началась война. Детство сразу закончилось. В школу ходить пришлось за четыре километра в п. Курлек. Одна книга была на весь посёлок. Писали самодельными ручками: из веника вытаскивали пруттик, обламывали и привязывали к нему перо. Голод был постоянным. Мороженую капусту сварят без картошки и этой капустой кормили. Картошку тёрли и делали «хлеб», а из гнилой картошки стряпали «тошнотики». Работать начала Нина с 13 лет: полола свёклу,

перебирала овощи. Не смотря ни на что, жажда жизни рвалась наружу, она любила плясать, скинув свои «шахтёрские галоши»; но, боясь отцовских костылей, уговаривала подружку отпросить её на танцы. Душевного тепла Нине Васильевне не занимать: кроме своих троих детей она вырастила, как родного сына, племянника, который с восьми месяцев остался без матери, дав ему хорошее воспитание.

«Мы работали в поле с **Протопоповым Александром Николаевичем**, видим, едет вестовой, что есть мочи гонит коня. Александр Николаевич говорит: «Колька, стой! Что-то случилось!» Верховой подъехал и говорит: «Война началась! Александра Николаевича срочно в сельсовет вызывают».

Они уехали, а я с двумя конями остался. Уже темнеть начало, никто не едет. Я даже плакал, ведь маленький ещё был: сообщение пришло утром, часов в 10, а уже вечерело. Пошёл я в деревню с конями, а в деревне никого нет. Пусто все, тишина стоит мёртвая и темнота», – так начал свой рассказ **Николай Петрович Протопопов**. Потом уже узнал он, что вся деревня ушла провожать новобранцев, кто мужа, кто сына, кто брата, ни единой души не осталось. Предзнаменованием грядущей беды была эта внезапно вымершая деревня, над которой нависла зловещая тьма. «Вернувшихся с войны можно пересчитать по пальцам», – продолжает Николай Петрович, а имён погибших намного больше, они увековечены на памятнике в деревне Большое Протопопово и на мраморных плитах в Лагерном саду.

Колхоз «Пламя» хоть и был маленьким, но была в нём своя пекарня, школа, сельсовет, правление сельской кооперации, магазин был и медпункт. Сейчас ничего этого нет, даже в магазин жители ездят в соседние населённые пункты.

Остались тогда в деревне одни дети, старики, да больные; все остальные ушли на фронт: патриотизм был небывалый, всеобщий.

«С этого времени я и стал работать, – продолжил свой рассказ Протопопов Николай Петрович, – верхом ездить мог, а дела всегда находились: коров пас, копны вывозил, – так с конём и не расставался.

Хлеб нам на трудодни не давали – всё на фронт. Я только в сорок девятом, когда в армию пошёл, хлеба досыта наелся. Картошку научились выращивать целыми полями, а раньше только в суп её клали. Теперь это был второй хлеб».

Николай Петрович награждён медалью: «За доблестный и самоотверженный труд», а также юбилейными медалями в честь Победы, которую все труженики тыла приближали не щадя себя.

На снимке: Протопопов Н.П.

Сестра его **Казадаева Антонина Петровна**, тоже труженик тыла.

Было ей в начале войны уже 16.

Как фронтовики, награждена она юбилейными медалями в честь Победы, во имя которой трудилась в лесном сибирском краю. Она дополнила рассказ брата: «Весь день напролёт приходилось работать в колхозе, хлеб молотили, скирдовали, всего не перечислить, что делать пришлось; и на лесозаготовки ездили, и грибы собирали, да ягоды».

Рассказы у всех разные, но похожи они своей трагичностью.

Пророкова Юлия Егоровна не помнит своего отца, родилась она в сороковом, слишком маленькой была, чтобы сохранить хоть какие-то воспоминания, она его даже на фотографии не видела. Не знает и дедушку, его в 37 расстреляли.

Мать часто говорила, что Юля на отца похожа. Отец её **Протопопов Егор Федотович** воевал в строевой части 639 стрелкового полка. Он погиб осенью 43 под Смоленском. Когда похоронка пришла, его мать, Юлина бабушка, волосы на себе рвала от горя. Она с ними так и прожила всю жизнь.

Послевоенные годы тоже были нелёгкими. Мать и бабушка работали в колхозе «Пламя», и Юля ходила помогать им. Бабушка была старенькая, её назначили охранять теплицы, и она не справлялась с этой работой. Юлю с шести часов утра поднимали, и она шла охранять теплицы: свернётся калачиком на топчане и досматривает сны.

Голодно было и после войны. Запомнилось ей из детства, как копали в лесу саранки и стряпали из них лепешки.

На фото: Пророкова Ю.Е.

Всю жизнь прожила она без отца. Нелегко было матери растить их: «Сестра Люба умерла от клещевого энцефалита, брат с кедра упал, когда за шишками с одной развилки на другую перешагивал. Мать в больнице была, ещё ничего не знала, но материнское сердце уже заболело от предчувствия беды. И стала она молиться.

Когда я пришла к ней, она мне сон рассказывает, что берёзу резали. У брата было много переломов, но он выздоровел. На водителя выучился. Едет, бывало, и песни поёт. Мать тоже была певунья, стихи очень задушевно читала».

«Мне всегда было интересно работать», – вспоминает Юлия Егоровна. Она рано стала ездить в город.

Работала курьером в пошивочной мастерской. Очень легко научилась ориентироваться на улицах города и всё быстро находила. Жила она на квартире у профессора университета Хохлова и по субботам мыла пол в его огромном доме. Получив зарплату, она мчалась каждую неделю домой, купив продукты. Спустя время, смогла позволить Юля купить себе штапелю на платье. «Красивое получилось, с двенадцатью клиньями, я его долго носила, до самой свадьбы», – вздыхает она. В город добираться приходилось на проезжающих поездах, со станции «Лоскутово», до которой дорога вела от деревни Большое Протопопово через лес.

«Однажды мама с Любой встретили волка. Идут, видят: сидит собака. Мама стала кричать: «Пошёл! Пошёл!» – Она встала, сделав дугу вокруг них, села позади, да так полыхнула глазами, будто свечи вспыхнули». Догадалась мать, что это волк. Стала вениками, которые на плечах несли на продажу в город, шуршать, да кричать. От веников ничего не осталось. На шум прибежал сторож с вилами, прогнал волка и говорит: «Ваше счастье, что здесь коня дохлого выбросили, волк сытый был, да к тому же один, без стаи». Не помнят они, как сели в поезд, а, когда надо было выходить, мать подняться не смогла, а у Любы от страха голос пропал. Самое большое счастье в том, что здесь двуногие волки не появились.

Родительский домик у самого кедрача, её душа навсегда прописалась там, где такие восхитительные восходы солнца:

Зимы хрустальная прозрачность
И пламя утренней зари:
Природы северной невзрачность,
Какой экзотикой горит.

На фото: Помойницкая А.Е.

О своём сиротском детстве рассказала **Алла Евстафьевна Помойницкая**.

Ей было шесть лет, когда в 44 году умерла её мать, отец был на войне. Жили они в деревне Ноглики Восточно-Сахалинского района. Брату Николаю было 15, а сестре Марии 17 лет.

«Мама, умирая, просила свою сестру позаботиться о нас, до конца жизни тётя исполняла свой обет. Спасло нас и то, что сестра вышла замуж за военного фельдшера, добрейшего человека, и на его военный паёк мы все жили», – продолжила она рассказ. Природа спасала их, даря великое разнообразие ягод. Чего там только не росло. Бруснику и клюкву собирали совками, запасая на зиму в бочках. А сколько рыбы было. В 46 году вернулся с войны отец.

«Никогда не забуду красоту моря, а какие там сопки!» Зимой, бывало, так накатаются с гор, что задубевшая одежда стоит коробом. Идут, поскрипывая, переваливаясь, как пингины, домой.

Навсегда осталась в сердце любовь к природе, она зовёт её каждый день на лесную тропу здоровья, которую прокладывает зимой вокруг оздоровительного лагеря «Восход» её супруг **Михаил Васильевич Жильцов**.

Красота природы даёт силу и энергию, радость жизни. Многие жители любят гулять зимой по лесу, летом на это нет времени: у всех дачные участки, на которых они трудятся, ощущая неразрывную связь с землёй.

Я пережила необыкновенный подъём, когда первый раз прошла по тропинке в сказочно - прекрасном зимнем лесу. С тех пор это стало насущной необходимостью, дарящей радость и вдохновение.

Декабрист, вышедший на Сенатскую площадь в поисках счастья для всего человечества, сосланный за это в сибирскую ссылку, пожив здесь, сказал очень близкие мне по духу слова:

«Человечество стало б счастливым давно
В единенье с природой». – Как чист
И возвышенно радостен день за окном!
А, наверное, прав декабрист.

На фото: вид из нашего окна

Михаил Васильевич родился в деревне Пчёлка Чаинского района в 32 году. Не потому ли неутомимо трудится всю жизнь, как пчёлка. И пасека, кстати, у него единственного в «Восходе». В семье его родителей **Василия Тимофеевича** и **Марии Васильевны** было десять детей. Любовь к труду и чувство ответственности привито Михаилу ещё с детства. Отец с Первой Мировой принёс Георгиевский крест, а во Второй уже не воевал. Старший брат Михаила – **Сергей** был тяжело ранен в битве под Сталинградом и в 43 году демобилизован. Награда нашла его, когда он уже вернулся домой. А дома тем временем стряслась беда: отца в тюрьму на 7 лет посадили. Председательствуя, он позволил смолотить зерно для нужд колхоза, а по закону военного времени нужно было вначале выполнить план поставок зерна государству. Сергей вступился за отца, написав письмо Калинину. Отца освободили. О военном детстве Михаил Васильевич сказал кратко: «Холод, голод, разруха, мрак. Лампочку электрическую увидел только в 13 лет».

На фото: Жильцов М.В.

Лошади были заморённые, вместо двух, как это делали раньше, теперь приходилось запрягать по три. Он садился на третью и погонял. И копны возил, и снопы – всё приходилось делать. Награждён медалью «Труженик тыла», юбилейными медалями.

Медалями «За доблестный и самоотверженный труд», в честь 60-летия Победы награждён **Саженов Алексей Александрович** – труженик тыла и ветеран труда.

Когда началась война, ему было 9 лет. С этого возраста он и начал работать, вначале прицепщиком, а потом, как полноценный труженик колхоза «Пламя» в деревне Большое Протопопово, работал наравне со взрослыми. Уставал неимоверно, да и голод одолевал, но так работали все труженики тыла. Голодные, полураздетые, из последних сил они работали на лесозаготовках, покосах и в поле. Постановлением бюро Томского райкома партии трактористы должны начинать работу в 4-5 часов утра, заканчивать в 11, а колхозники – в 3-4 часа утра до 1 часа ночи. Это постановление сохранилось, как исторический документ. Кажется невероятным, что колхозники могли себе позволить спать только 2-3 часа в сутки после тяжелейшего труда.

Отец его **Александр Яковлевич** был трактористом. Председатель колхоза ценил его, как очень большого специалиста. Как придёт отцу повестка на фронт, председатель колхоза едет на призывной пункт и просит оставить Саженова А.Я. в колхозе, потому что без него колхоз пропадёт. Алексей помнит разговор отца о том, что все его братья воюют, и он пойдёт на фронт. Но председатель колхоза, при очередной его попытке уйти на фронт, опять его вернул.

Алексей пошёл в отца. «Всю жизнь проработал трактористом. Был и на лесозаготовках и хлеб косил, конечно. Как подуют весенние ветры, так с мая месяца на тракторе. Отслужил в армии и вновь сел на трактор».

Труженик тыла **Арышев Василий Петрович**, 1931 года рождения.

Награждён медалями: «Ветеран труда» и в честь 50-летия и 60-летия Победы. Это не случайно, что тружеников тыла награждали юбилейными медалями в честь Дня Победы, как фронтовиков. Они в тылу ковали Победу своим самоотверженным трудом. Работы хватало и на колхозных полях и на лесозаготовках.

Его судьба мало чем отличается от судьбы его погодков. Работая в колхозе, они заменили взрослых, ушедших на фронт.

Осиротел он рано. Отец его, Петр Иванович, умер в 46 году, когда Василию было пятнадцать, а мать, Александра Степановна, умерла в 47 году. Жили они в деревне Арышево Кемеровской области. Семья была большая: четырнадцать человек детей. Имен на всех не хватило, давали одинаковые имена. Так получилось, что один Егор погиб, а другой был живой. У Александры Степановны четыре сына не вернулись с войны. Велико горе матери, получающей похоронки на своих сыновей...

Супруга Василия Петровича – **Валентина Павловна** поведала такую историю: её родители: **Бычков Павел Иванович** и **Полина Фёдоровна** переехали из посёлка Богашёво в Томск, а тут война, и остались они на улице: ни крыши над головой, ни работы. Валентине было шесть лет, её младшей сестрёнке и того меньше. Ночевать приходилось в каких-то сараях или кто, где пустит. Обе девочки заболели двухсторонним воспалением лёгких. Валентина выкарабкалась, а сестрёнка её умерла в феврале 42 года.

Отец их хотел дом построить на Татарской горе, он был плотник и не успел: пошёл на войну и погиб в июне 42-го года, защищая блокадный Ленинград, который фашисты душили железным кольцом, подступая к сердцу Родины – Москве.

На фото: Бычков Павел Иванович и Полина Фёдоровна

«Весной 41 года в селе Старица было очень сильное наводнение», – начала свой рассказ **Лахтина Антонина Николаевна.**

Её младшая сестрёнка умерла той весной в пятилетнем возрасте. Все это, по её словам, явилось знаком грядущей беды.

Когда началась война, ей было восемь, а брату десять лет.

Мать с утра до ночи работала в колхозе. Учиться пришлось с горем пополам. Света не было, мать уходила на работу очень рано, дети были предоставлены сами себе. На детях лежало всё домашнее хозяйство. У них была корова, овечки и кролики. Сено для них косили на кочках. «Домой бежим, где какую травинку увидим, всё несём для кроликов и овечек. Жили в лесу. Однажды брат не натаскал воды. Сидя на берегу озера, в котором уже отражались огромные звезды и месяц, брат говорит: «Давай утопимся». Настолько была беспросветна жизнь. Душу терзало чувство вины от невыполненного задания. Большого труда стоило Тоне отговорить брата.

Удержало его только то, что мама будет плакать. Разве мог он забыть, как плакала мать, получив похоронку на отца.

Не смотря на извещение о том, что **Скурахин Николай Игнатович**, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 15.01.44г., похоронен в Ленинградской области, долго ещё она не могла поверить, что он погиб.

Та огромная ответственность, которая легла на детские плечи, наложила отпечаток на всю жизнь. Урок усвоен полностью: трудолюбие их отличительная черта, оно воспитано с детства. Ведь душе нужен покой и чтобы ничто не заливало её тоской и не рвало на части, а для этого можно и горы свернуть.

Если в деревне дети всё-таки были хоть под каким-то присмотром взрослых, работая рядом с ними, то в городе они были предоставлены сами себе. «Когда началась война, мне было четыре года, но память с невероятной четкостью выхватывает многие события тех лет, хранящиеся где-то в самых глубинных тайниках, – Начал свой рассказ о военном детстве **Владимир Сергеевич Зверев**, – Отец ушёл на фронт в декабре. Помню, как он приносил дневной паёк хлеба, делил его на пять частей. Мы ещё не умели растягивать его на день и съедали сразу, очень хотелось есть. Ощущения голода было мучительным и постоянным. Ели лебеду с хлебом, суп из крапивы. Чтобы хоть чем-нибудь занять желудки, мы с братом ели соль. Как сейчас стоит передо мной белая стеклянная солонка на пустом столе, и мы всё едим и едим соль. Мать уходила на работу на весь день, а мы с Эдиком нянчили младшего братишку. Было холодно, и мы всё время сидели на печке, с которой я однажды упал, разбив голову об угол сундука. Хорошо помню, как нашёл какую-то тряпку, заткнул рану, чтобы кровь не текла, и лёг на кровать. Не знаю, спал ли я, может быть, был без сознания.

Придя вечером с работы, мать сразу к печке – меня там нет. Она к Эдику: «Где Володя?» «Там лежит», – ответил он тихо.

Мать как услышала, что я лежу, тут только и заметила, что всё вокруг в крови. Помутилось, покачнулось всё у неё перед глазами. Бросилась она ко мне, и только притронулась, я сразу очнулся и шевельнулся. Она только и могла выдохнуть: «Живой!»

Будто было всё это вчера, так явственно вижу ту улицу с домами по одной стороне, по которой мать возила меня в медпункт на саночках. Сидя в коридоре, она затыкала уши, хотя я ни во время операции, ни на перевязках, которые делали целый месяц, ни разу не пикнул: впадал в шоковое состояние. На лбу у меня так и остался шрам – вечное напоминание о страшном военном детстве.

Я понимаю, почему у матери первым вырвался крик: «Живой!» Работая весь день, наши матери жили в постоянном страхе за предоставленных самим себе детей, за сыновей, ушедших на фронт. Этот страх сжал материнские сердца постоянным предчувствием беды. В своем сознании они много раз пережили самое страшное, что могло случиться. Это была тяжкая, медленная пытка, но она закалила женские сердца, и, может быть, поэтому, когда приходило непоправимое, сокрушающее горе, матери выстаивали. На нашей улице в одной семье восемь сыновей погибло на войне. Невозможно представить, как можно пережить такое горе.

Хотя война отняла у нас детство, мы всё-таки оставались детьми. И не зря волновались наши матери: из-за шалости с оружием или со взрывчаткой, многие ребята заплатили жизнью или покалечились. Однажды мы с пацанами бабахнули патроны. Взрыв был такой, что стёкла, земля и щепки летели до самого сарая, а мы уцелели только потому, что были на втором этаже наружной лестницы.

Младший братишка, которого мы нянчили с Эдиком, весь первый год войны болел и умер. Война принесла несчастье в каждую семью, горе обрушилось сразу на всех, и даже мы, дети, ощущали это с пронзительной ясностью, Хотя фронт был далеко, но война чувствовалась везде. Запомнилась длинными очередями за хлебом, стёклами окон, заклеенных бумагой, чтобы не выбивались взрывной волной, печальными, усталыми глазами матери. Однажды ночью всех разбудил голос Левитана, известившего о том, что фашистская Германия капитулировала. Что тут началось!!! Все выбежали на улицу, кричат, целуются, плачут, обнимаются все подряд. За всю свою жизнь не приходилось мне видеть ничего подобного. Все словно с ума посходили от радости. Столько лет прошло с того дня, а вижу всё так ярко и живо, будто было вчера.

Если кто-нибудь сейчас в мирное время начинает ныть и жаловаться на жизнь, я говорю ему: «Милый мой, жизнь прекрасна, просто ты не видел войны, и дай Бог, чтобы никогда больше никому не

пришлось увидеть её». Этот рассказ записан дословно от первого лица. Я слушала его, не проронив ни слова.

«Я молю Бога только об одном, чтобы дал Царство Небесное моей мамочке, – приступает к рассказу **Кия Горбунова**, – потому что такие матери заслуживают только Царства Небесного».

«Мы были с ней, как лучшие подруги и жизнь доживать она хотела только со мной», – рассказывает она о своей матери **Прасковье Михайловне Акуловой**. «Она была очень доброй женщиной, если ничем помочь не может, то словом утешит. С ней можно было обо всём поговорить. У Кии необычное имя. Очень интересна его история. Её рассказ увёл в 33год. Отец её **Клементий Перфилович Акулов** был большим умельцем и потому выстроил красивый дом, всем на загляденье. И хотя была у них в хозяйстве всего одна лошадь, да корова, раскулачили их в тот роковой год, а в их дом «влез» председатель колхоза. Отцу пришлось спасаться от милиции. Кружил и по Томской и по Кемеровской области. Когда уже на пятки ему наступали, сел в дырявый обласок и поплыл по реке Кия. Река бурная, так и грозит поглотить его, а жить-то ой как хочется, и беременную жену с детьми жалко: четверо их уже было. Чую неминуемую гибель, взмолился: «Если жив останусь, именем реки дочку назову!»

Поздно ночью постучал он в окно бани, где ютилась после раскулачивания его семья: жена с ребятишками спали на полках. Даже входить не стал, только торопливым шёпотом спросил у Прасковьи: «Родила?» Жена ответила, что родила двойню, но выжила только одна девочка. «Пойдёшь регистрировать, назови её Кией, я реке обещал, если живым оставит», – прошептал и исчез. Как только оклемалась Прасковья Михайловна, отправилась регистрировать дочь.

Тем временем Клементий Перфилович устроился работать в Колпашевскую больницу, где ему дали комнату и рабочих в помощники, он там стал сразу всё перестраивать. Вскоре он тайно перевёз туда семью, но долго на одном месте пожить не пришлось, на этот раз бежали всей семьёй на станцию Тайга. Там и застала их война. От отца наконец отстали – не до него было. Он, словно в прятки со смертью играл, избежав расстрела в 37 году, а воевать по возрасту уже не подходил.

Кия хоть и маленькая была, помнит, как кричала мать, как бежала за поездом, навсегда увозившим на фронт её сыновей. «Старший брат ушёл добровольцем, был сержантом, погиб под Москвой. Второй брат был лётчиком – истребителем. Он с детства мечтал о небе.

Погиб он под Сталинградом, где вся земля полита кровью, а у нас слезами. Вернётся с работы отец, спросит: «Где мать?» И идут искать её в лесу, куда она убежала изливаться своей горе по ненаглядным погибшим сыночкам». Лес исцелял её израненную душу.

На фото: мать с сыном.

Силой Божественной благодати восстанавливалась целостность души, повреждённая пережитыми страстями, и она это интуитивно чувствовала. Её удалые красавцы – сыновья, как и другие защитники Родины, собственной жертвой обессмертили жизнь.

Из Тайги перебрались в деревню Бакчар Чаинского района. Там прошло военное детство Кии. «Ребятишек было восемь человек в нашей семье, – рассказывает она, – мама награждена медалью «мать героиня». «Жили в вечной нужде. Босиком ходили до самых холодов. Однажды у меня поднялась температура в школе, учительница увела меня к себе домой, накормила, потом маме сообщила. Учителя нам были, как родители. На хороших людях и держалась жизнь». Тяга к знаниям была огромной. Пешком ушла она в г. Колпашево, где открылось медицинское училище, поступила и окончила его.

Характер у неё неугомонный, бурный, как река, в честь которой её называли. Натура поэтическая, созидательная, как у отца, любовь к меткому слову от матери, любившей шутки, прибаутки, каламбуры, как солью, пересыпавшей ими речь. А неиссякаемая любовь к природе, которая даёт силы, жажда жизни – от обоих родителей. Не могу удержаться, чтобы не привести несколько строчек её стихов, написанных после смерти матери:

«Я уезжала на закате,
Меня никто не провожал,
Дымили печи в каждой хате,
Спешил автобус на вокзал.

...

Мне было так больно, обидно до слёз,
Ищу утешенья у белых берёз».

Беззаботное детство **Нины Даниловны Богдановой** внезапно оборвалось, когда она была восьмилетней девочкой. Они жили на окраине города Сталин.

Возле самого их дома немцы разбили концлагерь для военнопленных. То, что довелось увидеть её детским глазкам, трудно перенести и взрослому человеку.

Тысячи военнопленных были расстреляны, их закопали в огромной траншее. Многие были зарыты живьём, и земля колыхалась над ними несколько дней... Потом здесь стала Братская могила. Чтобы по-настоящему оценить значение Великой Победы, надо прочувствовать весь ужас, который несла война. Как это было во все времена, страшные испытания, заставляли обратиться к Богу, рождали гуманизм.

По воспоминаниям Нины Даниловны Богдановой.

Как мураши сновали немцы в касках,
В концлагерь превратив огромный луг,
Где Нина раньше, как в забытых сказках,
Резвилась весело среди подруг.
Но вместо птиц залиvistого пеня
Собачий лай, ещё чужая речь.
Прошли года, их слышать без волненья
По телевизору не может, сжечь
Так хочется ей память – невозможно
С такой невыносимой ношей жить.
Бессонными ночами вновь безбожно
Той жизни панораму вяжет нить...

Морили голодом военнопленных,
А если кто-то им давал еду...
О, ужас! Этих самых незабвенных
Событий, подготовивших беду:
В оголодавших до последней точки,
Звериный разжигался аппетит.
Кто видел это хоть одним глазочком
Не вытравит, хоть разум запретит
Такое помнить: самых слабых ели
Живьём... Бессонная проходит ночь...
Опять под завывание метели
Припомнит, как тогда смогла помочь
Бежать из плена нескольким солдатам.
Их дом был крайним, обнесённый луг
Колючей сетью, немец с автоматом
В пяти шагах. Кустарник рос вокруг.
В нём ночью прятался солдат сбежавший.
Он утром тихо постучал в окно.
Ослабший, как осенний лист дрожавший,
Такого не увидишь и в кино.
И Нина видела, как мать кормила,
Как суетилась, не скрывая слёз,
Как будто был на свете самый милый
Тот человек, что бородой зарос,
Как пень замшелый: в старика одела,
Дала ему ведёрко с мастерком,
И Нину позвала она не смело,
Как будто помешал ей в горле ком.
Головку повязала ей платочком:
- Проводишь по деревне старика,
Потом домой, ну ладно, с Богом, дочка! –
Прижала к сердцу: «Ладно, всё, пока!»
Старик с ведром вёл девочку за руку...
Над пропастью по лезвию ножа
Ходить училась... навсегда науку
Гуманности вбирая, чуть дыша.
Обняв и голову залил слезами,
Все чувства разом выразила мать.
Чем рисковала, знаете вы сами –
Родной кровинкой, как её отдать?
Но отдавали матери России,
На бойню провожая сыновей,
Чтобы цвела весна под небом синим,
И жизни гимн пел в роще соловей!

Ничто не могло сломить силу духа русских матерей, которые отдавали самое дорогое во имя великой любви.

Нина Даниловна приходила в библиотеку на встречу со школьниками. Завершая свой рассказ, она скажет, обращаясь к детям: «Любите своих родителей, они в любой момент готовы отдать за вас жизнь». Однажды во время бомбёжки, которая застала их в поле, мать четыре часа закрывала детей своим телом, стоя над ними на четвереньках в воронке. Слушая скупые рассказы, я в который раз убедилась, что всё держится на любви. И «Бог есть любовь» (1П 4-9).

На фото: Богданова Н.Д.

В 2013 году празднование Светлого Христова Воскресенья и Великой Победы разделяет всего три дня. Это даёт глубже прочувствовать, как много общего у этих событий, в основе которых жертва во имя любви. Третье тысячелетие мы пытаемся переварить истину, которую открыл нам Христос, что жить надо в любви и мире, именно так создаётся гармоничное общество. Царство, о котором мечтал угнетённый еврейский народ, ожидавший Мессию, но не принявший Иисуса Христа, нельзя обрести путём победы одного народа над другим. Оно достигается не силой, а жертвой, подобно той, которую принёс Бог, отдав любимого Сына за всех нас, чтобы были мы спасены, путём обретения веры. Оно создаётся осознанно, волей всех и каждого, оно там, где с нами Христос, потому и называется Божьим. Как достигается это Царство Любви подробно сказано в Библии – единственной Книге, которую, согласно опросу, хотят спасти люди в случае бедствия: «...раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твоё скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою. И слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовёшь, и Господь услышит». (Исаия.58-7).

Жизнь моя —

Молитва

Благодатная

Избранная лирика

*«И отдашь голодным душу твою
И напитаеть душу страдальца» (Исаия 58-10)*

Я приглашу в поэзию, как в лес,
Пронизан солнцем, сказочно – прекрасный,
Одарит щедро лучшим из чудес,
Излечит душу, с виду безучастный.

Сибирь

Вскипая ярким перламутром,
Всплывает солнце ранним утром,
И нежно – голубую тень
Роняет в снег хрустальный день.

Мороз лютует, и недаром,
Слюдой застыв по тротуарам:
Как знак отчаянной нужды –
Сверкают вкрапины воды.

Её несли на коромысле:
Жизнь нелегка, но чисты мысли,
Извечна жажда красоты,
Возвышенности, доброты...

Как краток зимний день в Сибири,
Но рада, если прожит в мире,
В согласье с трудною судьбой,
Людьми, природой и собой.

Уж месяц ёлочной игрушкой
В лесу над маленькой избушкой
Горит за елью в синеве,
Как будто детство дарит мне.

Жизнь моя – молитва благодатная,
С нежным пламенем она сродни,
Как боготворю всё невозвратное –
О, мои счастливейшие дни.

Все они из этого мгновения:
Белые берёзы в синеве –
Озарилась мигом вдохновения,
Словно вышитого по канве.

Божьей милостью дарована
Несказаннейшая благодать...
Всей своей поэзией готова я
Слово благодарности сказать.

Снова в прошлое бегу я босиком,
Память ластится то травкой, то песком,
От колючек набегает на глаза
Всё затмившая горячая слеза.

Я осознанно в «счастливое» вернусь,
Белым облачком растает моя грусть;
Обласкает меня солнечной волной,
Только прошлое крадётся за спиной.

Подступает оно снова – к горлу ком,
Обостряя всё, чем дышим и живём.
Цену жизни мы не сразу узнаём,
Настоящее оценится потом.

Куда б ни шла, всегда со мной
Величественный лес.
От скуки, суеты – стеной
Девятый вал чудес!

Уж сумерков упала тень:
Осенний, ясный таял день.
Последний миг свой сознавая,
Скользило солнце, ветвь кривая
Зарделась нежной красотой
С вечерней споря синевой,
Нежданно душу растревожа:
Наверно, сердцу то дороже,
Что видится в последний раз...
Прощальный взгляд зари погас.

Прощальное

Жизнь моя – это конь степной,
Неуёмный, красивый, быстрый –
Пыль взметнётся за ним стеной,
Промелькнёт всё, как будто искры.

Поворот – и поводья – струны,
Вздыблен конь – в этот грустный миг,
Распечалившись, вечер лунный,
Тихо ивой плакучей сник.

И куда бы судьба ни забросила,
В самом пышном цветенье весны,
Опахнут, как дыханием осени,
Светлой грустью прошедшие дни.

В туманной дымке светятся деревья,
Пронзая синь осенних вечеров.
В их голой незащитности доверья,
Так много сердцу сказано без слов.

Как жёлтый лист мелодией старинной
Струится медленно сквозь сеть ветвей,
Так я бреду, испачкав туфли глиной,
И остро жаль мне отзвеневших дней.

Видя, как восхищается Ева цветами,
Искушающий дьявол камней драгоценных
Россыпь кинул к ногам, потешаясь над нами:
Сея алчность и зависть, но истин бесценных
Не затмить: наслаждаюсь, владея бесплатно
Я рубинами яркой зари и лучами,
Ослепительнее бриллиантов, приятно
Пробуравливать крону... а звёзды ночами!
Золотые крупицы, и снега сиянье
Не уступит алмазам, ах, осени пламя!
Яркий огненно – рыжий опал, а гулянья
По агатам ... Да что там, вы знаете сами!
Малахиты полян, бирюзовые реки,
Изумруды весенних берёз! Как спасенье,
Нашим душам дарованы Богом навеки:
Не иссякший чистейший родник вдохновенья.

Душу песней тронул, ненаглядный,
Век не наглядеться на тебя,
Но единственного хватит взгляда
На всю жизнь, чтоб вспоминать любя.

Радостью лучатся наши лица,
Этот миг мы счастьем назовём.
Упорхнули с наших рук синицы:
Чувство взмыло в небо журавлём!

Душу песней тронул, ненаглядный,
Век не наглядеться на тебя,
Но единственного хватит взгляда,
На всю жизнь, чтоб вспоминать любя.

Любовь

Разбухшее чувством весеннее слово
Бутоном тонуло в безоблачной сини
Души нерастраченной: счастья большого
Предчувствие дрожью, как в листьях осины:
Трепещет, нарядная, в туфлях из замши
Взбежав на пригорок, а ниже – трясина.
Пусть годы проходят, но нынче всё там же
В пурпурном наряде трепещет осина.
И хочется мне, чтобы снова по коже
Мурашки бежали внезапным волненьем,
Чтоб слово всю душу пронзало до дрожи,
И вновь расцветала она вдохновеньем.

Гармонии душевной краткий миг,
Безмерно счастлив, кто её постиг.
Сломали копья чувства и мораль,
Утихла буря – солнечная даль.

Обрушилась внезапная гроза:
Пронзили сердце мне твои глаза.
Остался след навечно, навсегда,
Мятежно блещет мне моя звезда.

Ветер не шепчет весеннюю сказку,
Белое марево видно в окно,
С грустью гляжу я на снежную пляску:
Всё безотрадно кругом и темно.

Сколько прошло! Но отчётливо помню
Каждую встречу, улыбку и взгляд,
Слов прожигающих – золото молний –
Это души драгоценнейший клад.

Перебирая сокровища эти,
Снова так сладко становится мне.
Благодарю, что блеснуло на свете,
Счастье, которое снится во сне.

Луна

Околдует меня чародейка луна,
О, как плещется в омуте листьев!
Затрепещет душа, вся смятеньем полна,
Очарована садом тенистым.

Всех влюблённых тревожит и сводит с ума –
Не иссякнет янтарный напиток.
В них по капле вливает любовный дурман,
А душа уже жаждет тех пыток.

Ты мной, а я тобой богата,
Уходят годы без возврата,
Но наших душ бесценный груз
Хранит нас лучше всяких уз.
В твоих дорогах следом птицей
Моя душа, чтоб воплотиться
В воспоминаниях и снах,
Бродяжьих песнях и стихах
Мы возвращаемся друг к другу,
Хоть путь переметают вьюги.
Любовью связаны навек:
Так рыбы пресноводных рек
Икру метать к своим началам
Плывут, порой конец печален,
Коль обнажают реки дно,
Но им другого не дано.

Распахнуло небо глубину,
Улеглись весенние метели.
Белый дым струится в синеву,
Очищает душу звон капли.

Вдохновенье

Тревожит душу листьев зыбь:
Чернеет в золоте заката,
Костёр тоски золой засыпъ,
И счастье вспыхнет, как когда-то.

Всё будет, словно в первый раз,
Как лучшее стихотворенье,
До края переполнив нас,
Оно прольётся вдохновеньем...

Но с кончика карандаша
Ещё не соскользнуло слово,
Томясь, предчувствует душа,
И засиять оно готово!

Приход весны

Глядится в лужу лес кудлатый –
Клок снега рядом грязной ватой.
А вербы – нежные цыплята
Всем выводком бегут куда-то.

Дрожат на ветерке серёжки.
В зелёных замшевых сапожках,
Очей бездонных синева –
Весна вошла в свои права.

Пушай струится тихий дождь,
Пусть даже льёт, как из ведра,
Унять пожар осенних роц
Не сможет: ярче, чем вчера!

Маленькое чудо

Из детства помню маленькое чудо,
Когда найду в заснеженном стогу
Засушенный цветок, я не забуду,
Как дерзко ярок был он на снегу!

Вновь бесконечно счастлива я буду,
Когда, пронзая пелену веков,
Чья-то строка, взволнуя, словно чудо,
Отыщется в большом стогу стихов.

Стихами долго удобряла душу,
И расцвела любовь весенним садом.
Запели соловьи – приди, послушай!
Лишь только б не побило сад мой градом.

Ветер, ветер, ты с детства тревожил,
Наметая сугробы пороши...
Вот опять ты, весёлый, крылатый,
И душа моя рвётся куда-то.

Как хорошо зимой в лесу!
Здесь душу я свою спасу.
Печали, боль, тоску, беду –
Под дерево стряхнуть иду.

Душа, утратившая груз,
Войдёт с божественным в союз.
Так капля влиться в океан
Спешит в грозу и ураган.

Из-за деревьев вспыхнул вдруг
Как ореол, лучистый круг,
Как будто это Божий лик,
На счастье – на какой-то миг.

Покой и зрение души
Вернулись мне в лесной тиши.
Сиянье – благодать для глаз.
Волнует лес, как в первый раз.

Голубые тени
На снега упали.
Боже! Что за гений
Пишет эти дали?

И моя печаль –
Голубая даль.
Оттого, быть может,
Сумерки тревожат.

Коль вдохновеньем, словно свечка,
Оплавится душа опять,
Стихи, как золото на речке,
Я буду долго вымывать.

И засияют ярким блеском!
В них, как горошины в стручке
Слова...хочу, чтоб было веским
И нужным каждое в строке.

Творчество

Лунная поляна, как страница,
Новый день её перелистнул,
Вот уж солнце радостью струится –
Рукопись моя летит под стул!

Наблюдаю, как вспорхнула птица,
Рукавом едва взмахнула ель,
Снег блестит и люрексом искрится:
Обронила свой платок метель.

В жажде творчества, конечно, знаю,
Лучше, чем природа, нет творца.
Воскрешу зимой улыбку мая,
Аромат черёмух у крыльца.

Звезда

Высока и чиста
Блещет в небе звезда –
Не убьёт суета,
Не задушит вражда.

Мне бы быть, как звезда,
Чей негаснувший свет
Льётся к нам сквозь года,
Хоть её уже нет.

Студентки Томска

Красавицы со всей округи
Блистают в Томске в «звёздный час».
Их разнесут по свету вьюги
Снежинками, ну а сейчас
Любимый украшают город,
Пока грызут гранит наук.
И потому он вечно молод:
Струны счастливой чистый звук.

Весна

Снега бархатный ковёр:
Свой загадочный узор
Соткала на нём луна –
Нет волшебной полотна.

И такая тишина:
Хрусталём звенит она.
Звонко оборвётся лёд –
Звонарём весна идёт.

Я в безмолвном лесу
Обретаю себя.
Это счастье несу
Благодарно, любя.

Сегодня минус сорок два,
И успеваю я едва
Собраться на тропу здоровья,
Чтоб тело разогрелось кровью.

Туман седой окутал лес,
А я не чувствуя свой вес,
В полёте радостном, как птица,
Белёсый дым столбом клубится,

Да лай собак пронзает тишь,
Здесь, то шагаешь, то бежишь...
Деревья, словно на картине,
Художник – гений: снег, да иней.

Вписать себя спешу в шедевр,
И каждый ощущает нерв
Причастье к сказочным красотам,
Их, как нектар, кладу по сотам.

Они мой мир хотели отобрать.
Я не позволю!
Под купол неба выхожу опять,
Вкушая волю.

Люблю её неповторимый вкус,
Бокал хрустальный...
С поэзией – одной из лучших муз,
Гуляем тайно.

Как щедро дарит Бог нам благодать!
О, эта радость!
За это счастье можно всё отдать:
Какая сладость!

Какой великолепный день!
На лыжах в лес пойти не лень.
Почти парящий лёгкий бег...
Пушистый нежный чистый снег.
Наполнит душу благодать,
Но разве это передать?
Моих сомнений мрак исчез,
Возвышенный врачует лес.
В бездонности родных небес
Открыт нам лучший из чудес.

Снег на солнце весело искрится,
Залуюсь: как красиво!
Распушили косы ивы,
Мысли упорхнули, словно птицы.
Здесь душа моя раскрепостится,
Полетит навстречу маю,
Что прекрасней, я не знаю:
Сад в цветах, снежинка на ресницах
Или разноцветье снега –
Всё во мне рождает негу.
Эта радость очень часто снится.

Зимний лес – совершенство природы:
Чист, прозрачен, возвышенно свят.
Снег лыжной одинокой примят.
Забываю здесь все невзгоды.

В синем небе проводит черту
Самолёт и за кронами тонет.
Солнце радужным веером в кроне
Золотит на берёзе фату.

Все в изысканных белых нарядах,
Как торжественный свадебный пир,
Воссияет величием мир
В ярких солнечных бликах – каскадах.

Стройные ноги чащи
Выше колен в снегу
Мимо машин бегут...
Будто в движенье слаще
Ночь пережить в пургу.

После грозы

Дождь пройдёт, всё умоет,
Вспыхнет радуги нимб...
Гладит солнышко хвою:
Шёлк прически под ним.

Сердце в небо стремится!
Я одна в тишине,
Только гордая птица
Чертит круг в вышине.

Зачарованно – строго
Я смотрю в небеса
Грезят дальней дорогой
Облака – паруса...

Засияет в дождевке
Голубая звезда.
Ничего, что в ботинки
Просочилась вода.

Я по небу ступаю,
Будто ангел легка:
В лужах белые стаи –
Облака, облака...

Зима

Зима – прекрасная царица,
И трудится полдня метель,
Стеля ей пышную постель,
Её величеству приснится
С горячей ласкою апрель.
Любви отдастся безрассудно:
Сгубить себя совсем не трудно,
Но зря тревожит душу Лель:
Румянца роза рдеет чудно
Контрастом белоснежных щёк,
И час любви ещё далёк.

Умывается солнце в пруду,
Для меня это словно причастье:
Незаметно забыла беду,
Этот миг называется счастьем.

Бабье лето

Роня покрывало
На пруд заря встаёт,
Прекрасней розы алой
В зеркальной глади вод.

Уже не плачет осень –
Возвышенно ясна,
Над нами неба просинь,
А в сердце вновь весна.

Рассвет

Туман разнежился на бархате болота,
Так ласково прильнув, заснул в объятьях ели.
Во всём предутренняя сладкая дремота,
Ещё и солнца нет, и птицы не запели.

О! миг счастливо вспыхнувших вершин спросонку:
Проклёвывает солнце серую полоску –
Как милая улыбка на губах ребенка,
Или пьянящего ромansa отголоски.

Я в нетерпенье обращусь, как будто к другу:
«Живой спасительной росой на душу брызни!
Весёлый, птичий перезвон на всю округу,
Взметнись салютом вечным солнцу, небу, жизни!»

Любуясь, как из-под ресницы
Взбежавшей на пригорок ели
Лучи дрожат, порхают птицы,
Так упоённо мы глядели.

Снежинкой белой жизнь кружится
На фоне серого пейзажа.
Поверить в это трудно даже,
Что сломано крыло Жар – птицы.

Но знаю: счастье возвратится.
Весенний ветер вдруг затронул
Отрепья туч, и вновь Жар – птица
Сияет радужно сквозь крону.

Всё пробудилось от сна:
Птицы поют, петухи,
Будто вернулась весна.
Льются из сердца стихи.

Вновь лучезарно – чисты
Юные наши сердца,
Мне улыбаешься ты,
Словно опять у «венца».

О, я была на гребне волн!
Мой мир был чувств высоких полн.
Не нужно было мне весла:
Река течением несла.

Под колдовскими чарами луны

Стволы берёз обуглены закатом –
Огромный жертвенный костёр:
Как будто руки распростёр
Прекрасный миг и тает без возврата.

Но восклицательные знаки – ели,
Чеканит вдохновенно ночь
В своём шедевре: скука прочь!
Печали и тревоги улетели.

Разлит янтарный свет луны над полем,
Бескрайним видится простор,
И проступивший косогор –
Причудливый корабль, забывшись, молим

Под колдовскими чарами о счастье,
Поверя в смелые мечты,
Отбросив узы суеты,
По капле пьем волшебное причастье.

Сладчайшее слиянье со Вселенной,
Я чувствую, как близок Бог,
Что даже самый тихий вздох
Моей любви расслышит непременно.

Я не стремлюсь превосходить других,
Не нужно мне тщеславной суеты.
Хочу ловить на воле лучший стих,
Душа здесь расцветает, как цветы.

Мы отвергали страсть земную:
К высотам новым путь открыв,
Глубины неба нам даруя,
Любовь накрыла, как прилив!

Наш разум смят и уничтожен,
Друг другу мы в глаза глядим,
В них прочитав одно и то же,
Как счастлив каждый, что любим!

От этих взглядов неизменно
Ресницы падали стремглав,
И сердце таяло мгновенно,
Любви блаженство испытал.

Как неизбежно наши души,
Одна другую обретя,
Всё разом прежнее разруша,
Цвели в руинах бытия.

Моя душа

Душа – ладонь, а не кулак,
Летящая навстречу другу,
Пожать протянутую руку,
Прощая всех врагов без драк.

Швыряет, вертит жизнь, мы – щепки.
Неся, как факел, свой огонь,
Душа – раскрытая ладонь
В кулак сжимается так крепко.

Что такое, что со мной?
Не могу остановиться –
Может быть, я стала птицей,
Чудо – крылья за спиной?

Стиснутой любви напор
Безрассудно вышиб двери,
Этой радости не веря,
Я летаю с этих пор!

Студенческая свадьба

Глаза, как всполохи, огнём сияли,
Раздвинув счастья голубые дали.
Ещё не снились беды и печали,
Друзья нам комнату свою отдали.
Мы жили просто и чистосердечно,
По Библии: "Заботьтесь лишь о вечном –
Бог пышно нарядил и птиц, и травы,
И вас оденет», – не было отравы
И душу иссушающего бремя.
Я райской жизнью назову то время.

Заломила берёзонька белые руки
И застыла, безмолвно страдая от муки,
Заструились по листьям безудержно слёзы,
Потрясают природу осенние грозы.
А на утро опять улыбается молодое,
Лишь сверкает в ветвях инкрустация золотом.

Золотая булавка – звезда
Ещё держит сиреневый полог:
Упадёт на снега, как всегда,
О! Как миг предрассветный не долог.

Время

Голубая манит даль,
Снежный пух лежит, как шаль,
Лыжи нежный давят снег,
Радостен наш лёгкий бег.
Очарует душу вдруг
Раскалённый солнца круг.
Горизонт, как пьедестал,
Шар на нём так прочно встал,
Но уже не шар, а ртуть –
Не успели и моргнуть.
Вот от солнца лишь черта
Таёт в небе, как мечта,
А от чёрточки один
Ярко огненный рубин.
Помощи молил у нас
Луч последний и угас.
Он исчез в кратчайший миг,
Встрепенувшись, птичий крик
Замер в сумраке лесном,
Ждёт давно уютный дом.
Время – вспыхнувший рубин,
Обладаешь – властелин.

Весной во всём я вижу Бога:
Тепла и света слишком много.
Сияет небо: взор поднять нельзя –
В ручье искрится Божья стезя.

Весенний ветер гонит тучи.
Сквозь них мелькает солнца лучик,
И я навстречу радостно иду –
Мне душу хочется умыть в пруду.

Луна

Любви безумной амулет,
Маяк извечный для влюблённых,
Горит янтарный в небе свет
И тлеет на осенних клёнах.

Приход весны

Глядится в лужу лес кудлатый –
Клок снега рядом грязной ватой.
А вербы – нежные цыплята
Всем выводком бегут куда-то.

Дрожат на ветерке серёжки.
В зелёных замшевых сапожках,
Очей бездонных синева –
Весна вошла в свои права.

Под небом тяжёлым, холодным, осенним,
Как солнце, улыбка и взгляд, как спасенье.

Лунным светом коронованный
Засветился вдруг в ночи
Угол шкафа полированный –
Это блеск моей свечи.

Вдохновенья ночь бессонная –
В муках творчества душа:
Мой листок – луна огромная,
Ветки – след карандаша.

Жизненный путь

Я так люблю свою свободу!
Как по реке, не зная броду,
Иду, надеясь лишь на Бога
И на себя, совсем немного.
Пусть на всю жизнь уже пьяна
Тревожной радостью: луна,
Как ангел в нимбе надо мной,
Где лес – дремучею стеной.
Но будет веселей идти
Вдвоём и с песнею в пути.

Писал всегда одни пейзажи,
Не думая о том, что скажут.
Свои шедевры часто рвал,
Не ждал восторженных похвал.
Природа дарит вдохновенье,
Мечту, полёт и озаренье.
Он знал, глядит одна душа:
С восторгом детским, чуть дыша,
А упоительность процесса,
Куда важней, что скажет пресса.

Край неба всё чудесней на востоке:
Заря арбузную напомнит сладость.
Лучи, пробившись, щедро дарят радость,
Снежинки блещут в солнечном потоке.

Вдруг всплыло: мама мне наряд вязала
Ажурный, так на счастье и удачу,
Всегда шутила, не могла иначе...
Цветут воспоминанья зорькой алой.

По-матерински наряжая землю,
Зима набросит нежно ей на плечи
Наряд: мне душу красота излечит,
В блаженстве неизбывном чуду внемлю.

И вот уже ажурные наряды
Примерили деревья: сад, что надо!
Не оторвать восторженного взгляда,
И понимаю сердцем: счастье рядом.

Предзакатная ладонь
Гладит снежную парчу.
С веток – тюлем! Нет, не тронь!
Беззаботно хохочу.

Разноцветные лучи
Сквозь ресницы кедроча –
Зачарованно молчим:
Будут радость источать!

Счастье – манною с небес!
В тишине растаял звук.
Благодарны тебе, лес,
За сплетенье наших рук

Это чудо я видела тысячу раз
И опять восхищенья полна!
Благодатью Божественной стала для нас
Искромётного солнца волна.

Расплескалась по снегу, по низким кустам,
Иней блещет, как чистый хрусталь,
И то здесь на деревья набросит, то там
В стразах радужных яркую шаль.

Так волшебной зимой выстилая мне путь,
С самоцветами спорит она,
А сиянье такое, что трудно взглянуть,
Изобилием этим полна.

Облитый солнцем зимний сад
И твой влюблённый нежный взгляд
Сквозь торопливые года
Горит, как синяя звезда.

Встретили берёзку мы в пути,
Зрелища прекрасней не найти.
Иней колдовал над ней всю ночь,
Засияла в солнце вся насквозь.
Всё навстречу радостно неслоь,
Приближалось и летело прочь.
Сказочней виденья не найти,
Словно счастье, вдруг блеснёт в пути.

Как рельефны сосны на закате!
Гениальный создал их ваятель.
Сумерки приходят на мгновенье
Удивить возвышенным твореньем.
Вот уже звезда сияет в кроне,
Словно рыбка плещется в затоне.
Небеса синей, звезда всё ярче,
Сердце всё взволнованней и жарче.
Тени на снегу лежат повсюду.
Этот вечер долго не забуду.

От снежных крыш и от сугроба
Такая льётся белизна.
Забудется людская злоба:
Свечусь улыбкою: весна!

И улыбаются берёзы,
Как близко подошли к окну.
А в сердце больше нет занозы –
Приветливо в ответ кивну.

Как волка гонит вечный голод,
Так и меня – тоска души.
Ей дела нет, что лютый холод –
Иду гулять в лесной тиши.

И мне в волшебном царстве этом,
Признаться, очень хорошо.
Разогреваюсь, будто летом,
Весь груз тревог с души сошёл.

Зимний пейзаж

Зима опять, чуть – чуть припудрив
Свой лик румяный, очарует.
Подправит иней ловко кудри
Сосны. Весёлый ветер дует,
Внезапно ветви ели тронув:
Распахнут яркий хвост павлина –
Мятежную пронзают крону
Лучи. И так же, как малина,
Приятна вкусу – сердцу сладко
В бездонно – синем видеть небе
Тела берёзок белых, гладких.
И холод в сердце, словно не был.

Снимало солнце нежное бельё
С деревьев: пёстрой радугой огней
Дрожали капли, сердце сжав моё
Тоской весёлой; я иду быстреей.

И вдруг передо мной в голубизне
Сияет ёлочка, как в Новый год.
Я бесконечно радуюсь весне,
Но жаль, зима красавица уйдёт.

Как оспа портит гладкое лицо,
Срывались капли, протыкая снег.
Корявою невестой под венцом
Весна вступает в свой короткий век.

Пусть радости и счастья будет море!
Неуязвимы станете для горя;
А дух легко витает среди звёзд,
И взгляд любимый – через пропасть мост.

Влюблённый взгляд

Сравним ли с чем влюблённый взгляд?
Так страшным пламенем объят
Пылает лес. Стихийный шквал:
Как счастлив тот, кто в нём сгорал.

Быстрее молнии сразит
Будь даже твёрже, чем гранит –
Растает сладко сердце в миг,
Когда огонь в него проник.

У взгляда страстного в плену
Прикован, видишь лишь одну
Горящую в ночи звезду
Любимых глаз – свою беду.

Все взгляды в сердце берегу,
Как искры солнца на снегу,
Они в моей душе горят –
Единственный, бесценный клад.

С осенними осинками дрожала поутру,
В шатре лучей капроновом, раскинутом в лесу,
Согрела сердце радостью, окрепшее несущу.
Теперь сумею выстоять на жизненном ветру.

Как в зеркале, осенние берёзы
И радуги корона над прудом.
Вершину красоты рожают грозы,
Прекрасный лик земли умыв дождём.

Усилит солнце гамму ярких красок:
Как плещется в свечах берёз огнем!
В душе нежданно воцарился праздник:
Любуясь, долго – долго не уйдём.

Нет, не прельщай меня своим сонетом,
Не говори о чувстве мне глубококом:
Я не хочу любимой быть поэтом,
Ведь я найду своим прилежным оком
Сонет к другой. Твои стихи – опилки
Большой души, распиленной на части.
Я их храню в своей душе – копилке,
Но нужно всё и целиком для счастья.

Южная осень

Воздухом свежим, дарящим усладу,
Дышит легко и взволнованно грудь,
Как хорошо в родниковой прохладе
В тёплый осенний денёк отдохнуть.

О, безмятежность! Струну паутинки
Ветер затронул и начал качать:
То исчезает в тени невидимкой,
То заблестит продолженьем луча.

В листья – ладони лозы винограда
Южное солнце потоками льёт:
Вспыхнет в лучах его, будто в награду,
Ягод янтарных светящийся мёд.

Трудно, в момент безмятежного счастья,
Взглядом упав в голубые шелка,
Вспомнить, что скоро настанет ненастье:
Лёгким намёком плывут облака.

Белый свет

Снег лежит огромными клоками,
Облака добавят белизны,
И берёзы белыми боками
Ощущают ласковость весны.

Называем «белой» землю эту,
Уходя от милого причала,
Долго странствовать по «белу свету»
По весне – она всему начало.

Желтело небо,
Спускался вечер,
И первая звезда
Запуталась в ветвях.
Исчезла нега:
Мятежный ветер
И талая вода –
Душа моя в сетях.

Солнечный луч мне принёс
Острое яркое счастье.
В белом свеченье берёз
К тайнам великим причастье.

Черёмуха в цвету.

Картошку посадили на полях,
И шли усталые домой,
Нас ветерок ласкал волной...
И вдруг, о чудо! Ах!
Черёмуха стояла вся в цвету,
Над ней белели облака,
Скажу теперь наверняка,
Что помню только ту,
Потрясшую так много лет назад
Черёмуху в подарок... труд
Вознаграждён, и не сотрут
Густой медовый терпкий аромат
Другие весны... обуяла всех
Земная сила красоты,
Мы любовались полверсты,
Звенел хрустальный смех.

Песня ручья

Пел ручей,
Не смолкал,
Блеск очей,
Страсти шквал –
Всплеск речей
И похвал:
Всё прошло:
Лишь ручей
Пел светло
В вихре дней.

Ладонью нежною позёмка,
Как скульптор, сгладит всё вокруг.
Давай гулять с тобой пойдём - ка,
Мой преданный, старинный друг.

Сегодня ветер очень весел
Он по - весеннему певуч!
И сердце тоже просит песен,
Душа летит быстрее туч.

Хочу, чтоб ветер кудри рвал,
А песня – душу!
В руках надёжных был штурвал,
Чтоб волны слушать.

Пусть в буре жизненных невзгод
Звонит отвага.
Пускай любовь меня сожжёт:
Приму, как благо.

Камин

Смотрю заворожёно на камин:
Горит в его углях большой рубин,
А вот я вижу огненный опал...
Огонь желтей и трепетнее стал.

Теперь я вижу россыпь янтаря,
Такой была вечерняя заря,
Когда с тобой гуляли под луной –
Осталось это навсегда со мной.

Навстречу кружатся берёзки – фонари,
Ласкает озеро последний луч зари.
Хозяйкой доброй всюду ходит осень,
И льётся в сердце тёплый свет от сосен.

Моцарт

Мелодии дарил ему сам Бог,
А дирижировала Моцарту берёза:
Мелькнёт в окне рукав зелёный – вдох,
Мгновение, и очищающие слёзы
Струятся музыкой дождя в ветвях.
О, чудо! Солнце ослепительным потоком
Во всём играет, сердце ёкнет: «Ах!»,
Потом заплачет о прекрасном и далёком,
В разливах чувств мятежная душа.
Как аплодировала Моцарту берёза!
Ладошки – листья хлопали шурша...
О, вдохновляющие радужные грозы!
Сияет мир небесной чистотой,
И воцаряется во всём мажор Вселенной,
Но бесполезно умолять: «Постой!»
Проходит всё, но музыка нетленна.

Однажды в переполненной маршрутке,
Где давка изнуряла не на шутку,
Сквозь шум мотора и привычной брани,
Готовой перейти уже все грани,
Поплыли звуки задушевной песни,
И люди, забыв, что было тесно,
Глядели отрешённо, что за лица!
Как на святых, на них хочу молиться.

После разлуки

Я не была здесь целый год,
Бегу знакомым переулком,
Любовь стучится в венах гулко...
Уже последний поворот!
Бегу, не замедляя ход,
С душой весенней нараспашку,
Срывая на ходу ромашки,
Не веря, что уже вот-вот
Настанет долгожданный миг!
Целую милую племяшку...
Она у грядки, замарашка –
Любимый птенчик: смех и крик.
Сбежалась наша вся семья!
Объятья, суета, расспросы...
Укроп сияет в дивных росах.
О, как люблю всё это я!

В окно увидела тебя:
Твой плащ вздымался, ты летел,
Как птица, синеву любя!
О, первое слиянье тел:
Меня ты в вальсе закружил.
Прекрасный, незабвенный миг.
Помчалась кровь, не чуя жил.
Венчала яркий счастья лик
На небе синяя звезда.
О, этот гулкий сердца стук...
Я не забуду никогда,
Как всё любимым стало вдруг.

Тоска по родине
Зовёт назад:
Кусты смородины,
Влюблённый взгляд.

Ночами лунными
Душа летит,
Где были юными,
Где наш зенит.

Мы жили много лет на юге
Вдали от родины своей,
Забыв морозы, зимы, вьюги,
Ненастья и болезнь детей.

На пароходе едем в гости,
По берегам реки – тайга.
Здесь наших предков тлеют кости,
И редко мнёт цветы нога.

Величием заморозила
Природы русской красота,
Скачками кровь бежит по жилам,
И расцвела в душе мечта:

Цветком бы стать, что звали "кашкой",
Цвести среди этой красоты,
Согласна быть простой букашкой,
Лишь только б жить в краю мечты.

А сердцу разве много надо? -
Круженье белое берёз:
К нему припала жадным взглядом,
Я всё стерплю, любой мороз.

Где свил гнездо и сад взрастил

Мы каждым утром в огород
Шли всей своей семьёй всё лето.
Берёз весёлый хоровод
В кристальной синеве рассвета
Восторг и радость нам дарил,
Цветеньем лето вдохновляло.
Трудились до последних сил,
А мне всегда казалось, мало.
Мы корчевали старый лес,
Коряги в кучи громоздили,
То был мучительный процесс.
И вовсе не было идиллий.
Работали, как муравьи,
Не ждали от судьбы награды,
Но как-то ночью соловьи
Защёлкали над нашим садом.
А утром детский смех звучал
Среди кустарников и грядок,
И был началом всех начал
Наш труд, что так солён и сладок.

В полёте

Мы очень часто носим бремя
Болезней, неудач, сомнений,
Когда ж приходит наше время:
Любви, восторга и свершений,
Взлетаем и парим крылато,
Нас носит ветер вдохновенья,
А бремя пропадёт куда-то.
О, чудо радости паренья!

Как ярко зелень под дождём
Опять сияет чистотой!
Влюблённые с тобой идём,
Любуясь буйной красотой.
Но взгляд невольно устремлён
К полоске неба золотой,
Она волнует, словно сон,
Где явь переплелась с мечтой.
Меня притягивает свет:
Пленяет солнце и звезда,
Когда-нибудь на склоне лет
В него войду я навсегда.

Почищу солнцем ауру свою:
Люблю его вбирать, когда в зените.
Хотя читала: «Вредно, не смотрите!»
Но Небу песнь хвалебную пою.

О, спелых яблок аромат!
Он мне напомнил запах фрезий.
И я лежала, долго грезя
О том, как много лет назад
Вдыхала аромат весны,
Надежды, молодости, счастья.
Промчались бурных лет ненастья,
И дни мои опять ясны.

Весна

Ель нежным ласкам обнажена:
Уж не невеста она – жена.
Ах, как трепещет от сладкой дрожи,
Блуждает солнце по шёлку кожи.
Всё откровенней его объятья,
Снег тихо тает ненужным платьем.
Жаль отсиявших прекрасных страз,
О них я вспомню ещё не раз.
О, как пленялась зимы нарядом,
А вдохновенье бродило рядом.
Заброшен в небо капрон фаты,
Плывёт реальность за грань мечты.

Голос шепчет мне: «Воскресни!
В лучшей лебединой песне».

Наш кедр прекрасен и могуч,
Его пронзает первый луч:
Карабкается солнце в кроне,
То вынырнет, то вдруг утонет.

Нам неизбежно шлёт рассвет
Из радужных лучей привет.
О, как всегда ему я рада!
А что ещё мне в жизни надо?

Счастливыми растить детей,
Шумел чтоб дом от их затей.
Талант и ум светились в лицах,
Чтобы всего смогли добиться.

И, как на солнышко, на них
Любуюсь, сочиняя стих.
Мы приготовим вкусный ужин:
Комфорт домашний всем нам нужен.

С рождением поздравим дочь,
Заботы унесутся прочь:
Весь вечер будем веселиться –
Бальзам на душу эти лица.

Традиций добрых рвётся нить:
Большой ремонт уже не к спеху.
Побелку б дома учинить,
Как в детстве, чтоб звенело эхо!

А не унылую узду
Тащить к своей последней точке,
Мне б ломозубую звезду
Опять ловить ковшом из бочки!

И воспитать троих детей,
В любви безбрежной Абсолюта,
Счастливейшими из людей,
Чтоб радость – всполохом салюта!

Когда вхожу я в дом к своим родным,
Встречает внучка у порога.
Тревога улетит, как лёгкий дым:
Для счастья надо так немного.

Наполнит дом звенящий, громкий смех,
Потешно пожимает руку.
Окутаю своей любовью всех,
Мой свет их сохранит в разлуку.

Как солнце трепетно лучисто!
А день такой кристально-чистый.
Конечно, он не будет скрягой,
И упаковочной бумагой
Сияет снег, то разноцветно,
То серебром едва приметно.
По мне, прекрасней нет подарка,
Чем лес, оформленный так ярко,
Вплетая нежную зарю,
На счастье вам его дарю.

Слиянье тьмы и света.

Голубым покрывалом
Красоты небывалой
Наши снежные дали
Вечера укрывали.

Стал родней и уютней
Мир под месяцем ярким.
Благом сиюминутным
Сердцу эти подарки.

Чем темней покрывало,
Тем сильнее тосковала
И стремилась куда-то,
Сладкой негой объята.

Как всеильно влиянье:
Тьмы и света слиянье.
Миг гармонии краткой
Будет вечной загадкой.

Под Новый год любила ждать
Обещанного с детства чуда.
Звезда сияет мне опять,
Алмазов россыпи повсюду.

Манил нас величавый лес:
Он был в сиянье лунном синий –
Казался чудом из чудес;
Ресницы опушал нам иней.

Мне в новогодней мишуре
Крадётся в душу тот же иней,
Когда гуляли при луне,
А лес вдали: волшебно – синий.

Восклицательные следы.

Красавица по выпавшему снегу
Легко на тонких шпильках – каблучках
Промчалась, заалев от бега,
И восклицательные знаки, ах!

Следов красивых чётко воздавали
Хвалу погоде, небу, красоте,
Бежали в ослепительные дали,
Восторг запечатлев, как на листе.

Чаша Грааль

Вершины сосен вылепили чашу,
Она полна небесной синевы.
Я наслаждаюсь: нет нектара слаще.
Подобное блаженство знали вы?
Заворожённая, стояла долго,
Пронзила мысль, что это чаша Грааль.
Найти её пытаются без толку.
Сверкает иней чище, чем хрусталь.

Вдруг вспыхнет память – паутинка,
Как тонкий луч, пройдя сквозь годы:
Я снова в новеньких ботинках
Звеню ледком, сковавшим воду.

Сверкает память: запах кекса...
Мы из кино приходим с братом –
Нас мама ждёт, и вот уж с Рексом
Играю преданным, лохматым.

И с новорожденным телёнком:
На очень тонких, скользких ножках
Стоять не может – как с ребёнком,
Опять вожусь я с милой крошкой.

А новогодние игрушки!
Какой волшебный мир нам создан,
Где неказистые избушки
Венчает яркий купол звёздный!

Опять на наш люблюсь сад,
Как много – много лет назад.
Пчела закружит над цветком,
А небо – голубым платком:
Листвой зелёной вышит край...
Хоть медитируй, хоть читай.
Мой васильковый сарафан
Примнёт потрепанный роман.
Переживая чью-то жизнь,
Душа, как птица, рвётся ввысь.
Отрадой дышит всё кругом –
Вовеки незабвенный дом.

Ветер не шепчет весеннюю сказку,
Белое марево видно в окно,
С грустью гляжу я на снежную пляску:
Всё безотрадно кругом и темно.

Сколько прошло! Но отчётливо помню
Каждую встречу, улыбку и взгляд,
Слов прожигающих – золото молний –
Это души драгоценнейший клад.

Перебирая сокровища эти,
Снова так сладко становится мне.
Благодарю, что блеснуло на свете,
Счастье, которое снится во сне.

Ностальгия

Увидала проездом такие же окна,
Как в далёком – далёком, забытом краю.
У крыльца там рябина осенняя мокнет –
Это край, где оставила юность мою.

Ностальгия! Ты душу мою возродила!
Всё наносное смыла весенним дождём.
Позабудем ненужные ссоры, мой милый!
В наше прошлое вместе, обнявшись, пойдём,

И на всё мы посмотрим с тобой прежним взглядом.
Этим самым счастливым на свете путём,
Как когда-то идём под дождём с тобой рядом,
Ты меня, как крылом, укрываешь плащом.

Снова сказку себе придумаю,
Упиваясь белой тоской,
Что навеет мне ель угрюмая
И минорных снежинок рой.

Растревожу давно забытое,
Новорожденно вспыхнет мечтой.
Половодьем душа залитая,
И молю я: "Мгновение, стой!"

Журавль в небе

Выпускаем из рук мы синицу,
Журавлём очарованы в небе,
От тоски нам порою не спится
И не знаем: а был он, иль не был.

Цветы России

Прислал открытку мне сынок
С простым букетом,
Но каждый говорил цветок,
Даря приветы.

Мне с детства мил такой букет,
За что, не знаю.
Дороже не было, и нет
Открытки к маю.

Вас можно всюду повстречать
Под небом синим,
Храните тайную печать,
Цветы России!

Ромашка, василёк и мак,
Как вы красивы!
Вобрал ваш цвет российский флаг,
Цветы России!

Я любовалась в букваре
Корзиной алых роз:
Ты догадался и принёс;
Хоть стужа на дворе,
Но розы на столе стоят,
Притягивая взгляд,
Напоминая о поре,
Когда в цвету весь сад.
Блаженства дивный аромат!
Как праздник в январе,
Но, как любимый силуэт,
Как парусник в рассвет,
Растает в розовой заре.

Красота, да не та
В предрассветной печали.
Вдохновит красота
Своим светлым началом.

Взгляд прикован не зря,
Словно к дивной картинке:
Вновь за лесом заря –
Молодая блондинка.

А на стёклах зажглись
Самоцветы – о, чудо!
И душа моя – ввысь!
Радость крыльями будет.

Гипюр листвы прозрачный
Накинула весна,
Вдруг стал наш сад невзрачный
Прекрасным... новизна
Прокралась в чувства тоже,
Но как знаком их плен!
Он с юности, тревожа,
Ведёт из тихих стен,
Туда, где блеск зарницы,
Где страха вовсе нет,
И озаряет лица
Любви и счастья свет.

Пробуждение

Разбудили меня неумолчные птицы.
Разве можно вот так оголтело кричать?
Открываю глаза: не могу надивиться:
Солнце счастья поставило всюду печать!

Кружевами огней разноцветных, сияя,
Ярко вспыхнуло в люстре игрой хрусталя.
На пасхальной неделе в преддверии мая
Ожерельем янтарным блещут тополя.

В голубом утопая, берёзы нагие,
Тянут белые руки навстречу судьбе.
Прозреваешь, поняв, что мгновенья такие
Самым лучшим подарком приходят к тебе.

Город юности.

Гладь воды серебритя теченьем,
Город гордо парит над рекой,
Забирая навеки покой.
Искры солнца, как слёзы волненья,
Промокнут облаков кружева:
Так печально сквозит синева!
Истомил меня Томск и томленье
Дышит жаждой вернуться назад,
Крылья юности взяв напрокат,
И лететь на волне вдохновенья
По местам, где бродила любовь.
Чья-то юность там кружится вновь,
Самым лучшим прекрасным мгновеньем.
Там, за рощей у старых берёз,
Мы стояли и в дождь, и в мороз:
Было душ неизбывно влечение.
Мостик там с полукружьем перил,
Ты на нём о любви говорил,
Исчезали из сердца сомненья,
И в надёжном кольце наших рук
Берегли своё счастье от вьюг.
А в стихах было столько значенья!
И хотелось опять и опять
Сад цветущей души удобрять.
В сеть ветвей мы ловили свеченье
Звёзд огромных и яркой луны
И предчувствие близкой весны.
Истомил меня Томск и томленье
Дышит жаждой вернуться назад,
Крылья юности взяв напрокат,
И лететь на волне вдохновенья,
По местам, где бродила любовь.

Щит от пошлости – радость

Щит от пошлости – радость,
Пью цветения сладость,
Ветерок свежий с поля
Опьянит своей волей.

Я шёлковые угли разгребаю
И греюсь в пламени воспоминаний,
Вот я уже спешу навстречу маю...
В романтику волнующих свиданий...
Передо мной лежат стихотворенья,
Костёр былого ярок и прекрасен,
Верну душе забытые мгновенья,
И млечный путь мой вновь лучист и ясен.

Зайчики

Баюкала зайцев угрюмая ель,
Скрипела им песни всю ночь под метель.
Остались следы под раскидистой елью –
В такие шатры загоняет метелью,
А после метели под яркой луной,
Зайчата исполнили танец смешной.
Наутро на белой пушистой тропинке
Узоры следов, как цветы на картинке:
Букетиком три и пониже один
Красивой цепочкой, а солнца рубин
Им солнечных зайчиков бросит вдогонку,
Деревья всему улыбнутся спросонку.

Парис

У нас красивый кот Парис,
Он не гоняет ночью крыс:
Ценитель он прекрасного,
Ложится на атласное
В узорах покрывало.
И этого ведь мало:
Весь день любуется в окно,
Пейзаж изучен им давно –
Все солнцем залитые дали.
Что ж, сами кличку ему дали.
Он не гоняет ночью крыс,
Куда там, он у нас Парис!

Про кота Париса

Не представляю, как наш кот
Определял, что мы идём на дачу:
Бежит к порогу, тьму забот
Прибавив сразу, вот ведь незадача.
Азарт охотника на птиц
В глазах его сияет изумрудом.
Крадётся, распластавшись ниц:
Какая грация, он просто чудо!
Потом забыли про кота,
Об этой избалованной персоне,
А, спохватившись, неспроста
Его мы не дозвались; на газоне
Под ёлочкой он сладко спал.
Искали мы его повсюду долго,
Не потому, что ростом мал
И не заметен: звали мы без толку.
Откликнуться он не хотел
И безмятежно нежился в прохладе,
А нам важней, видать, нет дел,
Чем отыскать кота, будь он неладен.
Когда же захотел домой,
Потягиваясь, вышел к нам довольно:
«Так вот ты где, проказник мой!»
Идёт лениво, важно, своевольно.
Его тащила на руках:
Совсем размяк, плетётся еле – еле...
А дома снова номер: «Ах!»
Пока мы, глядя фильм, клубнику ели,
И он себе устроил пир:
В открытый йогурт погружая лапу,
Лизал её почти до дыр,
Смакуя, наслаждаясь тихой сапой.
Не выгибай дугою бровь:
Его я не наказывала сроду.
Течёт в нем голубая кровь,
А я, похоже, ангельской породы.

Весенний ветер.

Ветер тополя огромные качал,
Ветки прогибались до окна,
Их ловили мы, и, звонко хохоча,
Были бесшабашны, как весна.

Чувство дороги

Всего четыре или пять
Тогда мне было. Покатать
На лошади нас папа взял.
А рост мой был настолько мал –
Бескрайним виделся простор,
И лес казался выше гор.
Навстречу вышла к нам сосна,
Казалась сказочной она.
Закат был сочен, как арбуз,
Что даже ощущался вкус,
Влекла тревога сердце в даль,
Томила сладко, как печаль.

Домой

Простужен месяц, нос задравши
Уже готов вот – вот чихнуть.
Сапожек запросил вдруг каши –
С пришарканьем свой тянешь путь.

Детство

Сквозь щель в сенях пробился властно
Луч солнца синей полосой,
Бросаюсь в день весёлый ясный,
Как есть взъерошенной, босой.

Лучами солнца разогретый
Ласкает воздух, как волна,
Звонит многоголосое лето,
Я этой музыкой полна.

И солнце, щедрое на ласку,
И сад, искрящийся росой,
Как нескончаемая сказка,
Как мама с пышной косой.

Как красива вечерней порой
Станет сердцу намного родней.
В снег укутанная с головой
Наша улица в свете огней.

Единство со Вселенной

Под ураганом зашумели кедры,
И шишками земля покрылась щедро.
Я стала их с азартом собирать.
Когда всё стихло, на речную гладь
Залюбовалась: так нетороплива
Река. Раскрылись веером игриво
Сияя семицветием лучи,
Когда неугомонные грачи,
Взлетев, нарушили покой мгновенно...
Почувствовав единство со Вселенной,
Я долго наслаждалась тишиной,
Погружена всецело в мир иной,
В нём утонула, как рябина в небе,
Забыв заботу о насущном хлебе.

Весну напомнил почки тополиной,
Размятой в пальцах, аромат.
Пришла домой, но даже чай с малиной
Не вытеснил. В окне горят

Огни: играет в солнце первый иней...
Но душу бережит мою,
Опять тревожа, запах тополиный.
О незабвенном снова я пою.

Проталинки

Хотя промокли валенки,
Ты не спешишь домой,
Весёлые проталинки
Так радуют весной.

Ты сказал, что не будешь батрачить,
Что решил в удовольствие жить...
И осталась одна я на даче,
Да моя приувядшая пруть.

Отдыхала всё чаще и чаще,
Но кивал, всё кивал мне нарцисс.
Вдруг над синей полосочкой чаши
Ярко радуга вскинулась ввысь.

Озарилось всё вспыхнувшим светом,
Ветер счастье и радость принёс.
Знаю: Царствие Божье не где-то,
Оно в сердце, когда в нём Христос.

Город с аурой любви.

Обруша призрачный покой,
Плывут студенчества года:
Звонит гитара над рекой,
Впитав, уносит всё вода
К Единосущному началу...
Ах! Как нам пели соловьи
В зелёной роще... стал причалом
Нам город с аурой любви.

Размышления у иконы Фёдора Томского.

Сказала тихо с придыханьем ты:
«Сам царь скрывался в келейке убогой».
- Не важно, кто бежал от суеты,
Важнее, кем он стал, постигнув Бога.

Уединение, молитва, пост,
Да широта раскрывшегося неба,
Простой пейзаж, где старец в полный рост,
Живя в столице, он святым бы не был.

А здесь в безбрежной чистоте снегов
Лечил он изболевшую душу
И сбросил с сердца тяжкий гнёт оков...
Скажу без придыхания: «Послушай!

Его я понимаю всей душой,
Наш край не променяю на столицу:
Лесочек рядом с домом небольшой,
Хожу туда на лыжах прокатиться,

Когда играет солнце на снегу,
Сияет всюду радужным каскадом,
Даря покой, блаженство, радость мне,
Поверь, что это лучшая награда».

Юрию Шевчуку

О, плачущее Небо под ногами!
То грешной жизни горький стон.
Но этот выбор сделали мы сами,
Хотя давно искуплен он.

Лишений и утрат полна дорога,
Которая нас к истине ведёт,
Но благородных смельчаков так много:
Здесь главное – души полёт.

В бессмертие любовь и дружбу взявший,
Когда прервётся вдруг полёт.
Познавший жизнь, стал без вести пропавшим,
Но поиск истины зовёт,

Чтоб Неба синего услыша голос,
Святую милость испытать,
Когда от истины стоишь на волос,
Вбирая чуда благодать.

Заходит солнце, разноцветно
Лучи бегут по стенам зданий.
Вот так играют неприметно
И тают волны мирозданий.

Едва глаза открыв спросонок,
Люблю их бег неутомимый
Заворожено, как ребёнок,
В себя вбирать неизъяснимо.

Сон в саду

Поздним вечером слушать люблю я,
Как баюкает ветер меня,
То, стихая и нежно воркуя,
То, сердито и гневно шумя.

Словно жирные кляксы, лучисто
Россыпь звёзд феерично дрожит.
На душе так легко и так чисто –
Прочь тоска и забота бежит.

В долгий путь по тропинке небесной
Еле катится ртутью луна,
С вечной тайной всю ночь так чудесно
Сквозь деревья желтеет она.

Утром ранним в безоблачной сини
Трепет листьев, да вдруг говорок
Долетит от бессонной осины,
И мажорный слагается слог.

Волнующей весенней ночью
Вдруг закружится голова!
О, как всё хрупко и непрочное:
Снежинок нежных кружева.

Взорвётся радостью тревожной
Хрустальный звон под каблучком!
Всё невозможное возможно.
Любовь растёт, как снежный ком!

К ветвям весенний сок струится,
Окрасив новым цветом их,
Так, ярко обрамляя лица,
Лучатся нимбы у святых.

Ещё пушистый снег искрится,
А в небе ясном – синева!
И весело воркуют птицы,
Берёз волнуя кружева.

И с каждым днём желанней встречи
С весной, уже пришедшей к нам:
Сосёнки подняли, как свечи,
Побеги, лес – весенний храм храм.

Дождик ткёт настроение:
Нити ровно бегут.
Сброшу мрак наваждения –
В сердце солнца салют.

Небеса забудками
Я представлю себе.
Виснут тучи, но шутками
Всё исправлю в судьбе.

Ухожу в утро вешнее,
Изумруд тополей...
Пробуждая нездешнее
Ароматом аллей.

Состоянье весеннее:
Радость, счастье, покой,
Словно дарит спасение
Бог Всещедрой рукой.

«Вначале было слово»,
И мыслей тетиву
Натягиваю снова,
И слово в синеву
Летит, неся надежду
И устремленья ввысь,
Чтоб снова, как и прежде,
Цветя, менялась жизнь.

Моя любовь дарована мне Богом,
Случилось это мне понять теперь,
Когда разлука затворила дверь...
Но символы поведают о многом.

Ещё недавно плакали метели –
Сегодня сказочно прекрасен лес,
Но самым лучшим среди всех чудес,
Когда на солнце, дивно вспыхнув, ели,

Восторг рождает сказочным нарядом,
Родной, как прожитая жизнь, звонок.
И как бы ни был ты сейчас далёк,
Среди волшебной красоты – ты рядом.

Уже не первый раз такой подарок,
Как самый верный символ дарит Бог,
И ты услышишь восхищенья вздох,
Когда скажу, как день сегодня ярок.

Слова любви рождаются здесь сами,
Их просто невозможно не сказать.
Такой любовью озаряет мать,
Завещанной навеки небесами.

« Что такое любовь?
Ведь никто из людей
В этом толком не смог разобраться»

В. Иванов

Обмен энергий высшего порядка,
А сердцу сладко, сладко, сладко...
От говорящих взглядов, слов, прикосновений.
Храню букет возвышенных мгновений...
С ума схожу от аромата
Забывшей вещи, как когда-то.
О сумерки, где парус силуэта!
Да разве позабудешь это?

Сынок голубоглазый мой!
Отрада и утеха.
Приду я вечером домой -
Дом полон счастья, смеха!

И тридцать с лишним лет спустя
Твой смех весёлый слышу.
Ты для меня всю жизнь дитя...
Пошлёт Всевышний крышу.

Любовью там зажжён очаг,
Тебя встречают дети,
А смех звенит там точно так –
Умножь мгновенья эти!

Осень

Какие краски дарит осень!
Словами их не передать.
Сквозь облака проглянет просинь,
Божественная благодать.

Костром затеплится осина,
Дрожит вся огненным дождём
Отрадой яркая картина
Берёз осенних над прудом!

Они закружатся навстречу:
Фонариков весёлый ряд.
Так ясно, ровно, чисто свечи
В церквях по праздникам горят.

А вдалеке угрюмо ели
Привносят новый колорит:
Они – холодные купели,
Когда повсюду всё горит.

Апостол

Вдруг постучится в твоё сердце Бог,
И ты откроешь настежь створки,
И счастьем сразу захлебнётся вдох,
А сердце станет очень зорким.

Ничто не сможет удержать тебя:
Ты станешь знанием делиться
О Том, кто бесконечно жизнь любя,
Отдал её. И просветлеют лица...

Здесь поэтом не быть – просто грех!
Любоваться – такая отрада:
Этот край лучезарнее всех,
Ничего мне другого не надо.

В этот лес и полянку вон ту –
Блики солнца, как ломтики хлеба!
Всей душой незаметно вращу,
Словно тополь в весеннее небо.

Это небо – букет васильков,
Обрамлённое зеленью сосен.
От земных оторвавшись оков,
С вечной жаждой высокого носим.

Болят

Души

Живые

раны

цикл стихов

100-летию со дня рождения моего отца посвящается

Памяти отца

Отец добровольцем ушёл на войну,
С семьёй торопливо простясь,
В душе навсегда сохранив ту весну,
С которой любовь началась.

С ним рядом такие же парни в строю
Шагали и гибли в боях,
За всё, что любили, за землю свою,
За звёзды в родимых краях.

На братских могилах, как символ – звезда:
За мирное небо дрались,
Жизнь многих солдат, молодых, навсегда,
Звездой обрывалась вдруг вниз.

Но тот, кто из пекла вернулся живой
К земле, почерневшей от бед,
Сурово жестокой казнился виной,
Что умер не он, а сосед.

Отец не любил говорить о войне:
Растеряны все ордена,
Как мало я знаю: за это вдвойне
Казнит моё сердце вина.

И всё же безмолвно расскажет шинель
О смелых бросках на врага.
Недаром на ней расписалась шрапнель,
Где смерть "за четыре шага".

Простреляна пулями, как решето:
Вздымалась, как крылья у птиц,
В смертельных атаках, спасибо за то:
Не рухнул он колосом ниц.

Когда душит Родину всякая мразь,
Отца вспоминаю опять:
Защиту Отчизны привык, не кичась,
Не подвигом – долгом считать.

Нет, не зовите, родные

Чёрное, звёздное небо,
Месяц взошёл над прудом:
Ломтем пасхального хлеба –
Маму напомнил и дом.
Звёзды там тоже шальные:
Ярко сверкают в ночи.
Нет, не зовите родные,
Сердце моё, не стучи.
Нет, не могу: не поверю,
Боль глубоко схороня,
Что распахну я все двери –
Мама не встретит меня.
Верю, что ждёт меня очень,
Тяжко вздыхая во сне
В долгие тёмные ночи.
Боже! Её уже нет...
Нет, не зовите родные,
Сердце моё, не стучи.
Звёзды уже не шальные,
Грустно мерцают в ночи.

Опять отъезд, и всё – сначала,
О горько – терпкий вкус печали!
Зовёт нарядный лес на лыжи,
Всё это больше не увижу:

Прощай! Берёз взметнулись руки!
Как пережить тоску разлуки?
Зачем же лес такой прекрасный?
Уж лучше б хмурый и ненастный.

На душе леденящая стужа –
Выхожу побродить вечерком.
На дорожке прозрачная лужа
Затянулась хрустальным ледком.

Отчего так легко и тревожно
От звенящего льда под ногой –
Видно сердце убить невозможно
Даже самой смертельной тоской.

Окунёшься в пугливую тишь –
Чуть трепещут осины от холода...
И забудешь: о чём ты грустишь,
На душе станет ясно и молодо.

Гляжу на гроздь красные рябины,
И вновь судьба Цветаевой Марины
Мне сердце жжёт. Какая злая сила
Её талант и душу загубила?

Как безбожна эпоха

Горем схвачена в сети:
От жестокой петли.
Даже мысли о детях
Отвратить не смогли.

Как безбожна эпоха –
Наш суровый палач,
И на сердце так плохо:
Плачь, душа моя, плачь!

О Есенине плачу,
В сердце горя комок:
Жертвой стал, но иначе,
Жизнь сложить он не мог:

Как безбожна эпоха –
Наш суровый палач,
И на сердце так плохо:
Плачь, душа моя, плачь!

А толпа себе мимо,
Равнодушно течёт
Даже если незримо
Чей-то прерван полёт:

Как безбожна эпоха –
Наш суровый палач,
И на сердце так плохо:
Плачь, душа моя, плачь!

Болят души живые раны.
Но время унимает боль,
Воспоминанья, словно соль.
Для ран, рубцующихся в шрамы.

Уж первый снег гипюром нежным
Упал на грязь.
И в синеве небес безбрежных
Звезда зажглась.
А сердце всё понять не может,
Что всё прошло.
И чуткий слух одно и то же,
Всему назло,
Услышать хочет, как и прежде...
Твои шаги.
Всё брезжит тусклый свет надежды
Сквозь тюль пурги.

Пронзил осенний сад
Щемящий сердце свет,
Чего в нём только нет:
И грусть, и боль утрат...

Здесь вальс последний свой
Танцует жёлтый лист...
Ковёр осенний чист,
Всещедро золотой.

Я забыла глаза твои, волосы...

Твоё сердце такое певучее,
Словно бурный весенний ручей.
Оттого оно так меня мучает
Своим жаром и песней своей,

Я забыла глаза твои, волосы...
Только помню, спустя много лет,
Безграничную искренность в голосе,
Да пургу, что закрыла твой след,

Когда встретились в роще нечаянно,
За тобою душа вслед отчаянно
Понеслась: Я осталась одна,
Как забытая нами луна.

Бессонница

Настраивает голос соловей –
Бессонницы моей свидетель.
Выводит трели чище и звучней...
Я думаю в ночи о детях:

«Удачи, счастья, силы духа вам,
Любви, здоровья и отваги».
А вдруг шедевр сегодня я создам?
Светлеет небо – лист бумаги.

Чудесный воздух льётся из окна:
Настой весенних ароматов.
Подкралась любопытная луна:
Глядит глазочком воровато.

Но, кажется, ко мне вернулся сон.
Заблуда... падает в объятья.
«Ты будешь мучиться», – подумал он,
Но я нашла себе занятие.

Разлука

Мой преданный друг,
Мы расстались с тобой:
Из тысяч разлук
Нет печальнее той.

Расплата за счастье

(По мотивам рассказа В.Ж.)

Как сладко утонуть в глазах:
Размякнув, оборвётся сердце:
За этот миг потом в слезах
Купаться... счастье горше перца.

В глазах: "Ни йоты не отдам!",
В восторге плавала, как рыбка;
Порыв любви известен вам?
Когда весь мир затмит улыбка?

За это можно заплатить
Любой ценой и даже жизнью:
И рвётся юной жизни нить,
И уступает место тризне.

Коса б её не расплелась,
Не будь она в таком восторге!
Запутавшись, теряя власть,
Боролась: было страшно, горько.

Кричала вынырнув: "Тону!"
Жалела, что его нет рядом:
"Оставил в страшный миг одну!"
И шла ко дну с любимым взглядом.

Легко разувериться в счастье,
Судьбу разлюбя в одночасье,
А скульптором станет не каждый,
Свой мир создавая отважно.

Сказку навеял фонарь:
Вертит снежинки январь,
Тёплая снежная ночь,
Всё, как тогда, ну, точь-в-точь:
Вальсом кружилась метель,
В свадебном стройная ель,
Тёплая снежная ночь...
Если бы смог ты помочь,
Чудо любви воскресить –
Прервана тонкая нить.
Сказку навеял фонарь,
Вертит снежинки январь...

Окно

Есть в городе родном окно.
Меня магически влекло
С прозрачной шторой стекло,
Но не живёшь ты там давно.

А я, как прежде, прохожу:
В окно, как прежде, не гляжу:
Хотя в мучительном страданье
Приковано к нему вниманье.

Опять поднимусь, позабуду о боли,
Лучам улыбнусь молодым,
В кулак соберу свою добрую волю,
Обиды растают, как дым.

Я снова творить, как и прежде, готова,
Восторги даря красоте,
Крылата душа вдохновением снова,
И рифмы послушны мечте.

Проходит ночь, а мне не спится:
Тревога за детей, как птица,
Трепещет у меня в груди –
Что ждёт нас в жизни впереди.

Скорбит и молится иконе
Душа в отчаянном поклоне...
Предвидя ужас весь воочью,
Заплачут и закровоточат.

Благодарю за то, что живы,
За солнце, воздух, лес и нивы,
Что нарождающийся день
Ничья не зачеркнула тень.

Сон.

Мне приснился какой-то ужаснейший сон:
Мы покинули нашего милого крошку
Среди множества фруктов на рынке, и он
Стал на пони взбираться – не вышло немножко.
Он ещё слишком мал, чтобы быть на коне.
Даже вот для такого нарядного пони,
-Где ты спать будешь, милый? – ответил он мне:
«На земле», – О! душа моя всё ещё стонет.
Я взяла его на руки, к сердцу прижав,
И домой понесла...как же стало легко мне,
Как отратно мне стало! Шли мимо канав,
Где земля растревоженно грудилась в комья,
А на утро в лесу, прислонившись к сосне,
Ощущала родное мне тело ребёнка.
Безмятежной улыбкой так радостно мне
Засияли берёзы, как внучек спросонку.

Предательство

Предательство стреляет метко:
Души открытой звякнет щеколда,
Захлопнувшись, жестокой метки
На сердце след оставлен навсегда.

Когда куражится над нами рубль,
Глядим на Запад – всё у них иначе,
Забыв, что Пушкин, Лермонтов и Врубель
Нас делают душою всех богаче.

Елизавете Стюарт

Внезапно обнажит утрата
Всю силу чувств, всю бездну боли,
И ты в плену, хоть и на воле,
Всего, что для тебя так свято.

Янтарь смолы – кулоны сосен,
Рождается на старых ранах,
Вся боль, что в сердце долго носим,
Извегнется в стихах – вулканах.

Синдром толпы или расстрел семьи Николая II

*« Надо покончить с поповско-квакерской
болтовней о божественной ценности
человеческой жизни»*

(Троцкий)

*«Надо отрубить головы по крайней мере
сотне Романовых, чтобы отучить их
приемников от преступлений».*

(Ленин)

Толпа озверевшая бьёт одного,
И сердце моё разрывается в клочья,
Толпа озверевшая бьёт одного,
И я задыхаюсь, бессильна помочь я!

Избитый ваш сын, лишь представьте на миг,
И крики толпы оглушают вам уши!
Представьте Марию и страшный тот крик:
«Распни!» – о, как больно, как больно ей слушать!

Читаю рассказы о русских святых,
Рыдаю над страшной судьбой Николая
И членов семьи – злая воля крутых,
Безбожных «героев», их жизни лишая,

Руками жестокой и зверской толпы,
Сильна и крепка этой тёмной стихией...
Но всё же они бесконечно слепы:
Случайно ли, мать Николая – Мария?

Икона Николы Чудотворца

Огромная икона в полдвери,
По дереву написанная маслом,
Валялась в церкви: заходи, бери,
Унижен храм, но вера не угасла.

Икону женщина взяла с собой,
Так с поля боя раненых тащили,
Связав своим объятьем, как судьбой:
Всей жизни суть отмеривала мили.

По контуру очерчено лицо
Следами пуль, видны следы окурков,
Но светлый лик спасён от подлецов,
От пьяных власть почувявших придурков.

Пополз улиткой липкой к сердцу страх,
Когда, стреляя в лик, всё время мимо
До грани попадал: не втопчешь в прах
Того, что никогда не истребимо.

Мария Египетская

Не нужно больше нам опоры:
Мы строим жизнь, как захотим.
Наши грехи уже, как горы:
Удар судьбы неотвратим.

От храма трижды относила,
Когда хотела внутрь войти,
Её неведомая сила:
И к Богу не было пути.

Она осталась беззащитной:
Всевышний отвратил свой взгляд.
Ушла вернуть любовь молитвой
В пустыню, без пути назад.

Не оставляет Бог Единый,
Он милостив и долго ждёт.
Когда придём к нему с повинной,
Послав нам испытаний гнёт.

Последний крик

Однажды слышала я крик,
То было в здании суда.
Он сердце полоснул на миг,
И смолк, прервавшись навсегда.

Кричать так может только мать,
Услышав сыну приговор,
Ну, разве можно ей понять,
Что сын убийца или вор.

Её кровиночка, сынок:
Роднее и дороже всех –
Злодейство совершить не мог.
Случившееся – чей-то грех.

Когда не в силах изменить,
Того, что страшно осознать,
Пульсируя, прервётся нить:
Кричать так может только мать.

«Не рыдай мене, Мати».

(Иисус Христос)

Знал, как будет страдать его бедная мать,
Умолял: «Не рыдай мене, Мати!»
Одному будет легче все пытки принять,
Её горе снести сил не хватит.

И она в отдаленье беззвучно ползла,
Воздевая, порой, к небу руки,
В самом центре бурлящего пеною зла,
И сознание теряла от муки.

Проползла за сыночком его крестный путь –
Он молил: «Не рыдай мене, Мати!»
На терзанья её он не сможет взглянуть,
Знал, что сил ему просто не хватит.

Владимирская Богоматерь с сыном

Как ласково прильнул к лицу,
И оградить стремятся руки:
Не дать Всевышнему Отцу
Свою кровиночку на муку.

Так обречённо смотрит вдаль:
Тиха, покорна Божьей воле,
Такая в облике печаль!
В губах поджатых столько боли!

Страданьем вечным полон взгляд
И пробирает всё внутри:
Ведь знает, будет сын распят,
Едва лишь стукнет 33.

Пасхальный огонь

Я видела огонь пасхальный,
Возникший в трещине стены,
Не обжигающий, реальный
От Бога. Сколько же вины
За нашу жизнь я испытала:
От истин вечных отреклись,
Святынь растоптано немало,
Пустой считали эту высь.
А Бог терпел, нам всё прощая,
Лечил нам души красотой,
И согревал улыбкой мая,
Такой пленительно простой.

Мне сердце сковывал мороз
Беды и зла, но всё без слёз
Сносила...искорка добра,
И – слёзы, будто из ведра.

Мщение

Бог сказал когда-то смертным: "Аз воздам!"
Как же мне хотелось верить тем словам,
Ведь теперь я знаю, что такое месть:
Это сердца боль за родовую честь,
Это жалость, захлестнувшая волной,
Это память, что всегда живёт со мной.
Всепрощенью также смертных Бог учил:
Всё прощать, собрав свои остатки сил.
Благородство истинное в этом есть,
Меркнет рядом с ним клопочущая месть

Всё победит воскресший дух:
Болезни, горе, нищету...
Так покрывает снежный пух
Всю грязь, и солнце ткёт мечту.

Живёте вы в Германии,
Бываете в Париже,
Но тянет, просто мания,
Туда, где солнце ниже.

Где рдеют зори алые,
Целуют лес туманы,
Где снова звёзды шалые
Напомнят все романы,

Где не сдержат рыдания,
Родной, пройдя, дорогой,
Где память и мечтания
И грусти много – много.

Единственный ты мой оплот,
Пусть страшный жребий обойдёт,
Когда меня все предадут,
Сказать тебе: «Ты тоже, Брут?»

Весь мир вокруг неё казался маленьким –
Она царицей в нём и даже валенки:
Кривые, старые, на ней – прелестны.
Хоть модницы не выйдут в них... известно.
Сквозь годы вижу, как она бежала
По снегу, обогнув толпу вокзала.
Безжалостно впивает память жало:
Взрывая снег, она к нему бежала.

Злая осень
Нас не спросит:
Ждали её или нет.
Небо в тучах,
Лес дремучий,
Брежит свинцовый рассвет,
Злая осень
Всё уносит,
Я на перроне одна,
Бросил, бросил,
Бьют колёса:
Профиль родной из окна.

Мой любимый в чужой квартире
Ужин варит своей жене.
Мой родной, самый лучший в мире
Улыбается, но не мне.

Как от белого снега ночью
На душе станет вдруг светло:
И тоска моя в клочья, в клочья!
Облегчённо вздохну: "Прошло".

Под простуженный посвист ветра
Одиноко домой бреду.
Отыщу на блестящем щедро
Чёрном небе свою звезду.

В златотканые дни сентября,
Когда нежно алеет заря,
Обнажается тихо душа.
Листья – строки печально шурша,
О прошедшем и тленном скорбя,
Так роскошно хоронят тебя...
Сердце крикнет бессильно: «Постой!»
В обнажённой, холодной, пустой,
Распахнувшейся дали светло.
Как болит, как томит! Не прошло.

Утешение

Снова в зимнем лесу,
Сердце взяв, на весу
Ствол качает берёзы...
Вся прижалась, но слёзы
Не хочу вытирать –
Пусть утешит, как мать.
Ветры вновь налетели,
Раскачав, как качели.
Как в объятии рук,
Слышу сердца я стук.
Мне сейчас не до смеху,
Но пробился в прореху
Ветром порванных туч,
Улыбнувшись мне, луч.
Всё плохое забуду,
Вижу знаки повсюду:
Счастья тихого след –
Это Божий привет.

По течению

Но я ведь не Сократ,
И мне трудней в стократ
Грести не по течению,
Надеюсь на везенье.

Молитва

Любящий Боже! Ты справедлив,
Если нужна расплата,
Я заплачу, слезами пролив
Душу за виноватых.

Счастья и мира детям прошу,
Ссоры я все забуду.
Боль, как Голгофу, в сердце ношу....
Если простил Иуду...

В. Высоцкому

Мятежный ветер – хулиган
Встревожил душу мне опять.
Судьбы свирепый ураган!
Теперь мне сердце не унять.
Стихия не дает уснуть:
Жестокий ветер ветки гнёт.
Как молнией осветит путь –
Души оборванный полёт.

О судьбе Марины Цветаевой

Судьбы предначертанный круг
Стал меньше окружности шеи,
Свалились напасти все вдруг,
И жалили душу, как змеи.

От голода дочь умерла,
И стала петля ещё уже:
Но всё – таки силы нашла
И едет в Германию к мужу.

Рябиновый, огненный куст
Хранит её боль по России:
Весь мир без России был пуст:
Вернулась: работу просила.

Но всюду встречала отказ –
В веках это будет позором,
Чиновники всюду у нас,
Хоть беглым не видно их взором.

Как долго укусы судьбы
Она терпеливо сносила,
Но были бездушно – грубы,
Кто отнял последние силы.

Кто с мужем её разлучил...
И сердце не вынесло муку.
Навек разлучиться нет сил –
Петля сократила разлуку.

Он был предназначен судьбой.
О нём загадала на море:
«Возьмёт сердолик, будет мой,
И радость разделим, и горе».

Огромные очи Эфрон
Навек утопил в её взгляде...
Нащупал! Вот неба закон!
Поможет, любви только ради.

Тот камень она сохранит:
Он символ Божественной воли.
Но сердце – огонь, не гранит,
А счастье летуче, тем боле.

Судьба разбросала, но муж
Всего был дороже, поверьте.
Такое слияние душ
Сильнее и жизни, и смерти.

Нас ставят в рамки, заземляя,
И так живём в кругу чинуш,
Порою напрочь забывая
Высокое стремленье душ.

Но миг приходит, разрывая
Железный круг земных забот,
Душа взмывает, предвкушая
Достичь невиданных высот.

Яблоко раздора

Незваная, сгорая от обиды,
На свадьбе у Пелея и Фетиды
Подкинет яблоко богиня ссоры.
С тех пор у женщин всех веков раздоры:
Стремятся превзойти одна другую.
Встречая всякий раз вражду глухую,
Клянущая тебя, злосчастная Эрида,
Отравой нам в крови твоя обида.

Благодарю Тебя, Всемилостивый Боже!
Испытывая, посылаешь мне врагов.
Хочу простить их всех, как ты, я тоже,
А душу исцелять сиянием снегов.

«Быть знаменитым не красиво», –
Сказал великий Пастернак.
Мудрец – он знал: фортуна лжива –
Предпочитал ей Божий знак.

Возни и грязи не приемля,
Душа в порыве молодом
Не ради славы – для горенья!
Он счастлив, упоён трудом.

Врагом народа заклемили,
Награду Нобеля отняв.
Но дух поэта был всемогущ,
Отпала критика – удав.

По пушкинским местам

Проглянет солнце, Божьей благодатью
Одарят вдруг берёзки в белых платьях,
Прогнав тревоги, беды и напасти:
В душе опять покой, свобода, счастье.

Как жаль! Из окон Пушкина на Мойке –
Ни деревца: интриги, как помойки,
На голову его. И вызов брошен.
Вот памятник, снегами запорошен.

С поэтом мысленно веду беседу,
И, как собака, чутко мчусь по следу,
Едва оставленному мыслью быстрой.
И сердце ранит тот далёкий выстрел.

Он выпустил высокий дух на волю
Из заточенья каменного – в поле:
Берёзки там, как воплощенье Бога.
А надо страждущей душе немного.

Озорные глазки,
Пухленькие щёчки...
Сочиню я сказку
Для весёлой дочки.
Но страшнее сказки
Наша жизнь опять,
Только б этим глазкам
Горя не видать.

Кукла

Купили куклу мы для внучки,
Потрачена почти получка.
Была игрушка ей – живая дочь.
Но лучезарность вдруг затмила ночь:
Её у нас украли в тире...
Страшнее горя нету в мире:
Так безутешно плачет только мать.
Такою ж точно мчимся покупать.
Была бы в жизни так вот поправима
Беда: не задевая, проходила б мимо.
Глаза у внучки – небо после гроз,
Сияют счастьем, высохнув от слёз.

Всё чаще гляжу под ноги,
Всё реже ласкает небо:
Жизнь держит экзамен строгий,
Успех здесь давно так не был.

А в небе открылась просинь,
К ней душу влечёт больную,
Во всём воцарилась осень,
А я по весне тоскую.

По тёплым ладоням лета:
Чем больше пронзает стужа –
Ищу я его приметы,
Их мне, как лекарство, нужно.

Накануне кавказской войны (2008год)

Лес поднял острые мечи,
И кровью заалел закат.
Пронзает карканье в ночи
Весёлый перезвон цикад.

Упал, как лист осенний, вздох:
«Храни привычный жизни ход...»
Молю в ночи: «Спаси нас, Бог!
Пусть радостный взойдёт восход!»

Мать

Исполнился сынишке год.
Устав от радостных забот,
Присела мать, взглянув счастливо,
Слезу стряхнула торопливо,
Наверно, вспомнился ей вдруг
Тот вечер, сотканный из мук,
Тянулся он, как целый век,
Рождался в муках человек.
Боль матери, её тревоги
За каждый шаг его дороги
Берут начало в краткий миг,
Когда раздался первый крик.
Душой намного став богаче,
Вместив все беды и удачи
Своих детей, всю жизнь она
О них заботами полна.

Художница

Писать портреты хорошо умела,
Но так униженно, так неумело
Толпе, царящей в здании вокзала,
Портреты сделать тихо предлагала.

Она талант стыдливо продавала,
Потухшим голосом, лишённым силы,
Но не востребован толпою зала.
Уж лучше б милостыню попросила!

За всё приходится платить

Бесплатный сыр, известно, в мышеловке.
Лишь вознесёт уменье и сноровка
На самый гребень волн – уж тут, как тут,
Завистники со всех сторон бегут.

Миг славы тоже должен быть окуплен:
И гений вновь затравлен иль загублен.
В истории тому примеров масса.
И снова топчется толпа у кассы,

И платит звонкой золотой монетой
Тем, у кого таланта близко нету.
Мы платим также за любовь и счастье,
Разбив по воле злой всё в одночасье.

Страдаем горько от потерь и боли.
Но славим Бога: одарить изволил:
Ведь все паденья – завершенья взлётов,
И вовсе не доступны для кого-то.

Всё чаще и чаще я в церковь иду,
Там с плеч осторожно снимают беду,
Глаза распахну я к весеннему солнцу,
Что льётся чудесным потоком в оконце.

Души раскрывается нежный цветок,
И пьёт исцеляющий чистый глоток:
Нет больше ни злобы, ни лжи, ни сомненья,
Есть только любовь и добро и прощенье.

Православная Русь:
Купола золотые!
Как тобой я горжусь!
Твои люди святые,
Устремлённые ввысь
Светлой верою в Бога,
Я прошу: «Продержись!
Всё вернут понемногу».
Чтобы выстроить храм,
Собирает бутылки
Бабка старая, срам
Тем, кто строил бутылки,
Тем, кто храмы взрывал.
Лучик солнца сквозь призму –
Семицветия шквал...
Идеал коммунизма
Обманул нас, простых.
Сколько же убиенных,
Словно мощи святых,
Выплывало нетленно
Из-под яра Оби –
Места страшной голгофы.
Русь моя, не скорби!
Кровью пишутся строфы...

Серафиму Саровскому

Засияло в душе моей слово

Засияло в душе моей слово,
На слуху оно с раннего детства,
Вспоминаю Саровку я снова,
Никуда от неё мне не деться.

«Жития» прочитала недавно,
Потрясение неизгладимо,
А душа, воспарив, кружит плавно
И на пустынь глядит Серафима,

Где являлась пред ним Пресвятая,
Исцеляла, учила, спасала,
Обо всём с упоеньем читая,
Упиваюсь, а сердцу всё мало.

Был восхищен в обители Рая,
Не постичь несказанную сладость,
От восторга безмолвно сгорая,
Говорил: «Потерпи, моя радость!

Как бы жизнь ни ударила строго,
Благодарней и твёрже мы будем,
Ах, какие обители Бога
Уготованы праведным людям!»

Наставлял он: «В душе мир созижди!
И спасутся с тобой рядом тыщи!
Повторяй эту заповедь трижды
И живи так, и Бог с нас не взыщет!»

Постигаю лучистое слово,
Победившее ссылку, расстрелы...
Сколько в нём бесконечно родного,
Сохранившего мир в душе белым.

Протяжно простонали двери:
Назад отрезаны пути.
Страдаю горько от потери –
Как я смогла навек уйти?

Стервы

Быть первыми во всей Вселенной
И даже в маленьком кругу -
Души проснувшейся веленье,
Как дьявол шепчет: "Всё могу!"

И рушились семей скрижали,
Неся несчастья и беду,
Они ж от счастья лишь визжали,
Но сознавали: в ад ведут

Их мимолетные успехи
Душещипательных затей:
Романы, связи для потехи,
И блеск пленительных очей.

Они одумаются вскоре,
Ведь молодость – вишнёвый цвет,
Вдруг облетит, оставив горе,
Бессмысленных и бурных лет.

Зависть

Павлин красой нездешней наделён,
И так однажды раздражил ворон,
Что не на шутку испугался он,
Хоть знал: завистниками окружён.

Его воронья стая потрепала,
В жестокости ей всё казалось мало.
Упившись, наконец, своей расправой,
Одна так гордо уходила павой:

В свой хвост воткнув перо павлина,
По царской стати впрямь Екатерина!
Спесивый и смешной триумф кретина,
Не правда ли, знакомая картина?

Судьба – воровка

На чём держались, все верёвки
Отрезала судьба – воровка.
Настало время раскорчёвки,
Что в сердце глубоко вросло:
Пусть не торжествует зло,
Ведь свежим ветром унесло
Тоску и боль, и проросло
Стихами сердце: плодородной
Осталась почва. Благородно
Расстанусь навсегда с врагами,
Ну, а душой – всегда с друзьями.

Так было вечно: "горе от ума",
А от характера, какое горе!
И виновата, вроде бы, сама,
Опять с кем-то из "сильных мира" в ссоре.

Кровь непокорная течёт во мне:
Жить не умею, пресмыкаться тоже.
И оттого труднее мне вдвойне,
Но всё же я счастливей тех, кто может.

Издательство стихов

Стихи вынашивал он долго.
Наивно думал: "Больше толку,
Когда я буду не один,
В священный страшный миг родин,
А рядом с повивальной бабкой".
И вот пришёл к ней с толстой папкой.
Она – большая знаменитость.
Помощник – меньше именитость.
Но только детище вот – вот
Чистейшим звуком запоёт,
Его щипцами ущипнут,
Держа наизготове кнут:
Прорвётся если вдруг оно –
Им право мощное дано
Проверить критикой сполна
И плагиатом, как волна.
В полубреду душа глядела
На муки крохотного тела:
И слышала: "Как хороши
Глаза – два омота души.
Сумеешь – трансплантируй их".
- Но ведь родиться мёртвый стих:
- О чём заботишься, мой друг.
- Смотри, вот он уже без рук...
И вот без бабки повивальной,
Пусть даже самой гениальной,
Стихи рождает он на свет,
Пока непризнанный поэт.

Взаимосвязь

Пробежала столбцы газеты –
Облепила подошвы грязь,
Захотелось добра и света:
Белым облаком унеслась.
И живительных испарений
Влага в душу лилась мою –
Звонким ливнем стихотворений
По окну о весне пою.
Растревожу и на бумагу
Лягут строчки твоих стихов,
Сад твой юный, впитавший влагу,
Удивит белизной цветов.

Твой образ

Рубил дрова, на снежный бархат покрывала
Бросая, струн души коснувшись иль поджилок.
Тебя, как высшую реальность, создавала
Из синих сумерков, порхания снежинок.
Над образом твоим трудилась очень долго,
Вначале неустанно, а потом всё реже.
Его мне напевали птицы. Втихомолку
В походах ветерок ваял, касаясь нежно.
Потом воздвигли вместе мы шатер незримый
Из наших чувств, мерцанья звезд, луны сиянья.
И был, как воздух он необходимый...
Но жаль, потрепан временем и расстояньем.

Наш Стёпка

Наш Стёпка – беспородный пёс,
Поранил лапку на прогулке.
Переполох ужасный внёс,
От страха сердце бьётся гулко.

На ранку сыплю стрептоцид,
У всех в глазах такая жалость:
И кот, забыв про геноцид,
Притих, какая уж тут шалость.

Сжимало состраданье души:
Уткнулся в ноги головой,
И невозможно было слушать
Пронзительный щенячий вой.

Урок музыки

Сказала дочке: "Твой урок дороже
Почти что килограмма апельсинов",
А доченька в ответ одно и то же:
"Душе не меньше надо витаминов».

Сын в дороге

Проводила сыночка – Богородице вверя,
За родимой кровинкой, звякнув, замерли двери.
Не могу я быть рядом и молю Божью мать:
От напастей, болезней и врагов укрывать.

Все на свете, наверно, одинаковы мамы,
Не найдут себе места, пока нет телеграммы.
Богородице вверясь, я боялась уснуть,
Чтоб молитвой всечасно охранять его путь.

После метели

Какие мастерицы вы, метели!
Деревья тонкое бельё надели.
И всех очаровательнее – ели...
Им ветры дифирамбы тихо пели.
Великолепно всё вокруг и чисто,
Вот только солнца нет на небе мгlistом;
Так меркнет праздник, если кто-то в ссоре,
А, может, всё вокруг затмило горе?

Родилась я на улице Пушкина,
Видно имени тайная власть
В том, что мало играла игрушками,
Упиваясь поэзией всласть.

На качелях я песни горланила
И кувшинки рвала на реке.
Они были, как Божье послание,
В романтическом моём далеке.

На дорожках я солнце утюжила
Трехколёсным любимцем своим.
Ребятишек сбегалось полдюжины,
Как на крыльях летела я к ним.

Там обласкано каждой травинкою
Босоное детство моё.
Отчего же той светлой тропинкою
Никогда не гуляли вдвоём?

И одна никогда не ходила я,
Словно в сердце был строгий зарок...
А она, недоступная, милая
Поджидала назначенный срок.

Незабвенная, старая улица,
Ты мне снилась так часто во сне,
Неизменная! Стоит зажмуриться –
Всё всплывёт, что так дорого мне!

Калейдоскоп отзывов

Архиепископ Томский и Асиновский Ростислав в предисловии к сборнику: «Одари добром» оставил такие строки: «Вера, надежда, любовь, покаяние, милосердие – вот те высокие нравственные категории, которые выделяют человека из всего мироздания. Однако в наш век технического прогресса, стремления к наживе, господства плоти оказывается забытой человеческая душа, её устремлённость к небу, к Богу. Для того чтобы остаться человеком, не потеряться для вечности, необходимо помнить о тех великих заветах, которые Господь оставил нам. Устремлённость души к небу, её открытость непреходящим ценностям нашли своё выражение в стихотворениях, вошедших в этот поэтический сборник. Выражаю надежду, что эти поэтические строки послужат великому делу духовно – нравственного возрождения нашего народа».

Следующие строки взяты из рецензии **Юлианы Сергеевой** в интернете на сайте «стихи . ру»
А я вот, не согласна с Виталием. Мне гораздо ближе точка зрения Ольги Кондиус. Мы, действительно, живём в бездуховную эпоху, может быть, поэтому больше не верим ни в себя, ни в Россию. И кто знает, что ждёт Россию впереди, возможно, к большому удовольствию Америки и Европы, мы распадёмся на мелкие государства, и не будет больше России, той России, которую когда-то все признавали великой. Как предотвратить это? Только обратившись к нашему духовному наследию. Да, уроки истории порой жестокие и о многом, действительно, нельзя думать без слёз, но только так – простив и приняв прошлое России, постигнув трагичное переплетение её великих детей, мы сможем понять, кто мы такие. Беда нашей суетной, повседневной жизни, замкнутой в вечном водовороте – дом, работа, дом, в том, что в этой суете мы забываем о главном, о том, что у человека кроме тела, которое мы исправно обкармливаем, есть ещё и душа, которой также нужна пища, но уже духовная. И только хорошая литература может выхватить человека из водоворота, "прочистить" ему мозги, и тогда он вспомнит, что человек – это, действительно, звучит гордо. Именно так, как гром среди безмятежного дня, потрясли меня стихи Ольги Кондиус. Я давно читаю и люблю поэзию, но думала, что сейчас уже не могут писать так, как в золотой и серебряный век русской поэзии. После того, как я прочитала стихи на этом сайте, я решила заглянуть на сайт Ольги Кондиус, её стихи заставили меня о многом задуматься. Советую всем почитать её стихи.

В предисловии к сборнику призёров районного литературного конкурса, посвященного 100-летию со дня рождения писательницы – землячки Галины Николаевой: «Прилетает радость, словно птица», **Владимир Крюков (председатель Томского отделения Союза российских писателей, член жюри)** написал такие строки: «Стихи и проза пронизаны любовью к родному краю. А ещё есть желание сказать слова признательности учителям. И вспомнить тех, кто принёс Победу в Отечественной войне, поклониться им – и тем, кто вернулся, и тем, кто сложил голову на полях сражений. Благие помыслы. Ольга Кондиус пишет о разном, и всё – таки, как мне кажется, особенно проникновенны её стихи о родной природе».

Вообще, по моим наблюдениям, главным на подобных конкурсах всегда становится поэтический образ родного края. Нас всегда спасает и вдохновляет родная природа. И главное чувство – признание в любви отчужденному дому, деревне или селу, где родился и жил, где пришла любовь, родились дети.... Это и вправду вечные темы поэзии, их не так уж и много. Но насколько по-разному можно об этом рассказать! И как тут не сказать спасибо могучему русскому языку, богатейшим возможностям, которые в нём сокрыты.

В который уже раз порадовался я, что не иссякают родники народные, что какая - то неведомая сила (а творчество есть тайна!) призывает людей взяться за перо или тронуть клавиатуру компьютера. Все мы – от мала до велика – хотим не просто существовать на этой земле, а оставить свидетельства своего присутствия. Поделиться «половодьем чувств», да и печалью, сомнениями тоже. И вообще, как замечательно сказал Владимир Маяковский: «Если звёзды зажигают, значит, это кому – нибудь нужно». Я люблю повторять это суждение поэта и надеюсь, что нам это будет нужно всегда.

В предисловии к сборнику: «Кружева метелицы» поэт **Сергей Яковлев** пишет: «Стихи у Ольги Кондиус эмоционально сдержаны и стилистически лапидарны. Не зря она так любит малые формы, пользуясь при создании своих вещей двумя – тремя, реже большим количеством строк – четверостиший. Порой же хватает ей и одной такой строфы, чтобы высказать весьма и весьма много:

Мне сердце сковывал мороз
Беды и зла, но всё без слёз
Сносила. Искорка добра –
И слёзы, будто из ведра».

Главный редактор журнала «Работница» Любовь Ершова написала перед публикуемой подборкой стихов следующее: «Кто сказал, что мы живём в непоэтическое время. Как и прежде, люди читают стихи, тянутся к светлому и возвышенному поэтическому слову. Как и прежде, люди пишут стихи. Какие бы ни были времена на дворе, жить без поэзии нельзя, можно только выживать. Она словно держит душу на плаву, не позволяя ей опускаться. Вновь и вновь мы убеждаемся в этом, вчитываясь во вдохновенные строки».

«Прекрасной Ольге Сергеевне и Пиденко Сергею Фёдоровичу – дорогим людям Мирненской земли «низкое» спасибо за сохранение культурных и человеческих ценностей. За силу и красоту! И за надёжность. Держитесь! Созидайте! Вдохновляйте людей. С открытием и презентацией библиотеки!

С уважением.

О. А. Шевкопляс (Зав. отд. Культуры)».

«Долго не оставляло состояние окрылённости после очередного вечера поэтического клуба «Вдохновение», созданного в библиотеке пос. Мирный. Библиотека в посёлке – центр культурного развития и эстетического восприятия жизни. После евроремонта здесь приятно посидеть, отдохнуть душой, побеседовать о книгах, полистать периодику, поиграть в шахматы. Здесь царит особая атмосфера творчества, и потому приходят сюда не только за книгами, но и с удовольствием занимаются в клубах по интересам и в кружках. Поэтический клуб «Вдохновение» посещают и взрослые и дети. Гостями клуба бывали известные поэты Томска. Здесь созданы все условия для духовно – эмоционального общения. Вечера не проходят бесследно, и не только благодаря большому эстетическому воздействию, они дают импульс для творчества и самореализации. Активно приветствуется заведующей библиотекой О.С. Кондиус желание созидать красоту, запечатлеть её в стихах или картинах, смастерить поделку, вырастить цветок, чтобы всем этим могли любоваться другие. В этом высокий смысл жизни: жить не только для себя, но и для других. Пока живы библиотеки, будет жить культура, а мы, как народ, будем существовать до тех пор, пока жива наша культура.

О. Н. Алгина (педагог СШ п. Мирный).

«Был очень рад познакомиться со светлыми прозрачными стихами Ольги Сергеевны о природе, любви, силе духовного внутреннего стержня. Было особенно приятно услышать автора в её рабочей обстановке и оценить кроме её поэтического дара – дар нести людям вечное нужное для нашего поколения святое искусство поэзии и любви ко всему высшему. Также было очень приятно познакомиться с её мужем и друзьями. Хочется пожелать Ольге Сергеевне большого семейного счастья и творческих удач. Я думаю, она нашла достойное самовыражение в поэзии. Пишите стихи, издавайтесь, и вас найдёт читатель. С уважением».

Георгий Тороцин (томский поэт).

«Милой, светлой Ольге хочется пожелать такого же ровного, благополучного течения жизни и бесконечной потребности выразить стихами высокое состояние души».

Галина Климовская (томская поэтесса).

«Молодец, Ольга Сергеевна! Вы нас всех порадовали своими стихами. Особенно светлыми мне показались Ваши воспоминания о детстве, о родителях, где лирическое и трагическое переплетаются так органично. Ещё раз спасибо!» **Нина Стусь (томская поэтесса).**

«Впечатление от яркого, солнечного творчества Ольги Сергеевны хочется выразить своими стихами:

Звучат слова, похожие на трель,
На звон капли и на шёпот ветра,
На трепетную тихую свирель,
На поцелуй, дождавшийся ответа.
И длится день, и не приходит ночь,
И вновь душа так жаждет обновленья,
Что грусть и слёзы отступают прочь.
Остановись, прошу тебя, мгновенье!

С уважением». **Светлана Пузанова (томская поэтесса).**

Нина Фёдоровна Приходько – составитель книги: «Томск – любовь моя и судьба» поведала: «У меня на руках была рукопись стихов Ольги Кондиус, когда случилась беда: умер мой брат. Я не буду говорить, как была убита горем. Моё душевное состояние очень сильно воздействовало на физическое самочувствие, и с этим нужно было что-то делать. Я читала рукопись, причём, очень часто прерывалась и вновь начинала читать, но не с того места, где прервала чтение, а с самого начала. Так было много раз. Я глубоко постигла эту поэзию, слилась с ней и вдруг осознала, вернее сказать, физически ощутила, что эти стихи лечат, они исцелили мою душу. В этом я вижу самое главное значение поэзии Ольги Кондиус. Я не могу найти этому объяснения, но это так».

«Оленька! Спасибо за вечер высокой поэзии и прозы, в которых каждое слово и вздох дышат духовностью и пронизаны светом небес. Сегодня для меня ожила природа сибирская. Сегодня я узнала, что история твоего рода живёт не только в твоём равнодушном сердце, но и во вновь рождённой тобою книге «Зелёный» ей свет в жизнь!»

Наталья Венецианова (томская поэтесса).

«Проза великолепна. Стихи образные, небесные». **Евгений Петроченко (томский поэт).**

«Спасибо за светлый вечер, за прозу, за прекрасный нравственный пример для всех нас, за тему веры, материнства, любви к родине и жизни»

Татьяна Митренина (томская поэтесса).

«Спасибо, Ольга за стихи! Они сегодня, как бальзам, пролились мне на душу. Храни Вас Бог!
С уважением,

Занин Сергей (томский поэт).

«Ольга! Поздравляю тебя с твоим творческим вечером в клубе «Автограф». Мы все слушали, затаив дыхание, озарённые твоими светлыми, добрыми мыслями, как в прозе, так и стихотворной форме. Ты наша яркая звезда, которую все любим. Спасибо тебе.

(Морозова Татьяна Викторовна).

«Ольга! Молодец! Состоялась как личность, поэт, прозаик, мать и так далее. Дальнейших творческих и жизненных успехов!!!»

Александр Марченко (участник клуба).

«Дорогая Оля, горжусь, что дружу с Вами уже 10 лет, вижу Ваш творческий рост. Пишите. Ваш талант все принимают с радостью обретения вечных ценностей».

Ольга Никиенко (руководитель литературного клуба «Автограф»).

«Прекрасный вечер и прекрасные стихи, идущие от души. Огромных Вам успехов, семейного счастья и творческих удач».

(Клавдия Бочарова).

Клавдия Бочарова – методист Дома культуры п. Мирный не ограничилась краткой записью в рукотворном журнале для отзывов, она написала статью в газету «Гомское предместье»:

В библиотеке п. Мирный прошёл вечер поэтического клуба «Вдохновение», посвящённый презентации книги О. Кондиус «Летопись души» и её сайта, который недавно открылся в Интернете. Под мерцание свечей звучали прекрасные стихи в исполнении ведущей вечера М. Чернявской. Свою книгу О. Кондиус посвятила родителям, их трагической судьбе. Оба её деда были расстреляны в 30-е годы в сибирской ссылке, и эта страшная трагедия прошла через всё её творчество. Из неё она делает свой вывод: злом зла не уничтожить. Его станет меньше, если жить по законам добра. Примером для неё была жизнь родителей. В душу Ольги западали песни матери, голос скрипки в руках отца. И ещё одна тема творчества О. Кондиус – любовь к природе и родине. Стихи её своеобразны по стилю, очень образны, эмоциональны и искренни, проникают в душу и вдохновляют. Это дневник души автора, где всё – только правда. И сама Ольга Сергеевна человек очень открытый, добрый. Искренний и неравнодушный. Вот один только пример: когда стали спиливать кедровый бор вокруг посёлка, она встала на его защиту, привлекла к этому внимание экологов, звонила во все инстанции и добилась своего.

Очень тепло о сборнике стихов О. Кондиус отозвался **томский поэт А. Таразанов**.

- Со страниц книги веет настоящей поэзией, – сказал он. У поэтессы прекрасный контакт с природой, радость переполняет её душу. У неё есть стихи и о любви, которая по силе и накалу чувств не знает преград, для которой только смерть может стать разлучницей. От её стихов идёт к нам волна тепла, добра и чистоты чувств. Об этом говорит в предисловии к книге и поэт М. Андреев.

Это отмечали и жители посёлка, пришедшие в наш клуб «Вдохновение» на вечер поэзии. Они благодарили О. Кондиус за стихи, желали ей новых творческих успехов.

Галина Сергеевна Лепёхина – участница клуба «Вдохновение» призналась, что часто перечитывает стихи, берёт их с собой в дальние поездки. «Стихи заряжают энергией, дают силу и позитивный настрой, не позволяют погрязнуть в тине негатива, которым полна жизнь. Ольга Сергеевна раскрывает наши глаза на то, чего мы в постоянной суете не замечаем, даёт нам возможность приобщиться к вечному. Спасибо за красоту, глубину, вдохновение. Пусть творчество не иссякает».

«Ольга Сергеевна – больших творческих успехов, тепла душевного, которое вы изливаете на других, и неиссякаемого вдохновения, которое рождает ваши удивительные стихи».

Марина Чернявская (томская поэтесса).

В журнале **Н. Хоничев** в очередной раз оставил запись: «Стихи чистые, светлые, музыкальные. Понравилось чувство гармонии, краткость, любовь к природе и умение увидеть и раскрыть тайное. Подкупает утончённость рифм и сравнений. Особенно нравится то, что в стихах много земных деталей: навозная грядка, туфли, испачканные глиной и т. д. Многие стихи хороши накалом эмоций, силой содержания и красотой формы. Стихи западают в душу. Лиризм, напевность, песенность – всё это здорово, звучит просто великолепно. Стихи ассоциируют со стаканом молока, хорошего чая или вина. Пусть вдох – новение продолжает сиять ещё долго – долго». Раздельное написание слова, чтобы было видно, что корнем его является «вдох», то без чего невозможна жизнь.

«Очаровательной, трепетной, прекрасной, песенной поэзии Ольги жить в веках!! Спасибо за память о М. Цветаевой».

П. Вендерская (участница клуба).

В книгу вошло три произведения: повесть «Имена и даты в канве судьбы», избранная лирика «Жизнь моя молитва благодатная» и цикл стихов «Болят души живые раны». Книга исподволь исцеляет душу, наполняя Божьей Благодатью, которая лежит в основе каждого произведения, пронизанного светом.

Проза документальна, охватывает огромное полотно жизни, наполненной трагическими событиями. Этот трагизм кристаллизовал человеческие души, делая их сострадательными, гуманными, благородными, милосердными. Чем труднее жизнь, тем люди более жизнестойки, решительны, организованы, они живут на пределе своих возможностей, потеряв всё, способны начать жизнь заново и любить её под голубым небом и пригревшем солнцем. Небо отнять нельзя. Вот такая непривязанность к месту и одаривает чувством единства со всем существованием, которое и есть Малая Родина. Закалившись перенесёнными страданиями, которые выковывают силу духа, укрепляют волю к жизни, душа очищается, обретая веру, ведь во всех испытаниях Бог с нами, Он даёт силы. Только Богооставленность – настоящая беда, а с Богом и умереть не страшно, обретая Вечное Небо. Осознание присутствия Бога даёт несказанную радость, превращая жизнь в благодатную молитву.

Прочную основу в жизни дают корни, уходящие глубоко в землю. Они же служат и формированию надёжного стержня, о чём и говорят стихи – яркие вспышки, проблески состоявшейся души.

Книга содержит огромную философскую глубину, которую каждый будет постигать в зависимости от того, насколько глубоко способен нырнуть.

Божьей милостью дарована
Несказаннейшая благодать...
Всею своею поэзией готова я
Слово благодарности сказать.

СОДЕРЖАНИЕ

Всему начало здесь...	
<i>Биографический очерк</i>	3
Имена и даты в канве судьбы	
<i>Документально биографическая повесть</i>	11
Протопоп – старший священник.....	12
Мои корни.....	13
1888 – 900-летие крещения Руси.....	21
Ностальгия.....	23
Возвращение.....	26
Земляки.....	27
Жизнь моя – молитва благодатная	
<i>Избранная лирика</i>	52
Сибирь.....	53
Жизнь моя – молитва благодатная.....	54
Снова в прошлое бегу я босиком.....	55
Куда б ни шла, всегда со мной.....	56
Уж сумерков упала тень.....	57
Прощальное.....	58
В туманной дымке светятся деревья.....	59
Видя, как восхищается Ева цветами.....	60
Душу песней тронул, ненаглядный.....	61
Любовь.....	62
Гармонии душевной краткий миг.....	63
Ветер не шепчет весеннюю сказку.....	64
Луна.....	65
Ты мной, а я тобой богата	66
Распахнуло небо глубину	67
Вдохновение	68
Приход весны.....	69
Пускай струится тихий дождь.....	70
Маленькое чудо.....	71
Стихами долго удобряла душу.....	72
Ветер, ветер, ты с детства тревожил.....	73
Как хорошо зимой в лесу.....	74
Голубые тени.....	75
Коль вдохновеньем, словно свечка.....	76
Творчество.....	77
Звезда.....	78
Студентки Гомска	79
Весна.....	80
Я в безмолвном лесу.....	81
Сегодня минус сорок два.....	82
Они мой мир хотели отобрать.....	83
Какой великолепный день.....	84
Снег на солнце весло искрится.....	85
Зимний лес – совершенство природы.....	86
Стройные ноги чащи.....	87
После грозы.....	88

Зима.....	89
Умывается солнце в пруду	90
Бабье лето.....	91
Рассвет	92
Любуясь, как из-под ресницы	93
Снежинкой белой жизнь кружится.....	94
Всё пробудилось от сна.....	95
О, я была на гребне волн.....	96
Под колдовскими чарами луны.....	97
Я не стремлюсь превосходить других.....	98
Мы отвергали страсть земную	99
Моя душа	100
Что такое, что со мной.....	101
Студенческая свадьба	102
Заломила берёзонька белые руки	103
Золотая булавка – звезда	104
Время.....	105
Весной во всем я вижу Бога	106
Луна.....	107
Приход весны.....	108
Под небом тяжёлым, холодным, осенним.....	109
Лунным светом коронованный.....	110
Жизненный путь.....	111
Писал всегда одни пейзажи.....	112
Край неба всё чудесней на востоке.....	113
Предзакатная ладонь.....	114
Это чудо я видела тысячу раз.....	115
Облитый солнцем зимний сад.....	116
Встретили берёзку мы в пути.....	117
Как рельефны сосны на закате.....	118
От снежных крыш и от сугроба.....	119
Как волка гонит вечный голод.....	120
Зимний пейзаж.....	121
Снимало солнце нежное бельё.....	122
Пусть радости и счастья будет – море.....	123
Влюблённый взгляд.....	124
С осенними осинками дрожала поутру.....	125
Как в зеркале осенние берёзы.....	126
Нет, не прельщай меня своим сонетом.....	127
Южная осень.....	128
Белый свет.....	129
Желтело небо.....	130
Солнечный луч мне принёс.....	131
Черёмуха в цвету.....	132
Песня ручья.....	133
Ладонью нежною позёмка.....	134
Хочу, чтоб ветер кудри рвал.....	135
Камин.....	136
Навстречу кружатся берёзки – фонари.....	137
Моцарт.....	138
Однажды в переполненной маршрутке.....	139
После разлуки	140

В окно увидела тебя	141
Тоска по родине.....	142
Мы жили много лет на юге.....	143
Где свил гнездо.....	144
В полёте.....	145
Как ярко зелень под дождём.....	146
Почищу солнцем ауру.....	147
О, спелых яблок аромат.....	148
Весна.....	149
Голос шепчет мне: «Воскресни!».....	150
Наш кедр прекрасен и могуч.....	151
Традиций добрых рвётся нить.....	152
Когда вхожу я в дом к своим родным.....	153
Как солнце трепетно лучисто.....	154
Слиянье тьмы и света.....	155
Под Новый год любила ждать.....	156
Восклицательные следы.....	157
Чаша Грааль.....	158
Вдруг вспыхнет память – паутинка.....	159
Опять на наш любуюсь сад.....	160
Ветер не шепчет весеннюю сказку.....	161
Ностальгия.....	162
Снова сказку себе придумую	163
Выпускаем из рук мы синицу.....	164
Цветы России.....	165
Я любовалась в букваре.....	166
Красота, да не та.....	167
Гипюр листы прозрачный.....	168
Пробуждение.....	169
Город юности.....	170
Щит от пошлости – радость.....	171
Я шёлковые угли разгребаю.....	172
Зайчики.....	173
Парис.....	174
Про кота Париса.....	175
Весенний ветер.....	176
Детство.....	177
Чувство дороги.....	178
Домой.....	179
Как красива вечерней порой.....	180
Единство с Вселенной.....	181
Весну напомнил почки тополиной.....	182
Проталинки.....	183
Ты сказал, что не будешь батрачить.....	184
Город с аурой любви.....	185
Размышления у иконы Фёдора Томского.....	186
О, плачущее Небо под ногами.....	187
Заходит солнце.....	188
Сон в саду.....	189
Волнующей весенней ночью.....	190
К ветвям весенний сок струится.....	191
Дождик ткёт настроение.....	192

Вначале было слово.....	193
Моя любовь дарована мне Богом.....	194
Обмен энергий высшего порядка.....	195
Сынок голубоглазый мой.....	196
Осень.....	197
Апостол.....	198
Здесь поэтом не быть просто грех.....	199

Болят души живые раны

Цикл стихов.....	200
Памяти отца.....	201
Нет, не зовите, родные.....	202
Опять отъезд, и всё – сначала.....	203
На душе леденящая стужа.....	204
Гляжу на гроздь красные рябины.....	205
Как безбожна эпоха.....	206
Болят души живые раны.....	207
Уж первый снег гипюром нежным.....	208
Пронзил осенний сад.....	209
Я забыла глаза твои, волосы.....	210
Бессонница.....	211
Разлука.....	212
Расплата за счастье.....	213
Легко разувериться в счастье.....	214
Сказку навеял фонарь.....	215
Окно.....	216
Опять поднимусь.....	217
Проходит ночь, а мне не спится.....	218
Сон.....	219
Предательство.....	220
Когда куражится над нами рубль.....	221
Елизавете Стюарт.....	222
Синдром толпы или расстрел семьи Николая II.....	223
Икона Николы Чудотворца.....	224
Мария Египетская.....	225
Последний крик.....	226
Не рыдай мене, Мати.....	227
Владимирская Богоматерь с сыном.....	228
Я видела огонь пасхальный.....	229
Мне сердце сковывал мороз.....	230
Мщение.....	231
Всё победит воскресший дух.....	232
Живёте вы в Германии.....	233
Единственный ты мой оплот.....	234
Весь мир вокруг неё казался маленьким.....	235
Злая осень.....	236
Мой любимый в чужой квартире.....	237
В златотканые дни сентября.....	238
Утешение.....	239
По течению.....	240
Молитва.....	241
В. Высоцкому.....	242

О судьбе Марины Цветаевой.....	243
Яблоко раздора.....	244
Нас ставят в рамки.....	245
Благодарю Тебя, Всемилостивый Боже.....	246
Быть знаменитым некрасиво.....	247
По пушкинским местам	248
Озорные глазки.....	249
Кукла.....	250
Всё чаще гляжу под ноги.....	251
Накануне кавказской войны.....	252
Мать.....	253
Художница.....	254
За все приходится платить.....	255
Всё чаще и чаще я в церковь иду.....	256
Православная Русь.....	257
Засияло в душе моей слово.....	258
Протяжно простонали двери.....	259
Стервы.....	260
Зависть.....	261
Судьба – воровка	262
Так было вечно.....	263
Издательство стихов.....	264
Взаимосвязь.....	265
Твой образ.....	266
Наш Степка.....	267
Урок музыки.....	268
Сын в дороге.....	269
После метели.....	268
Родилась я на улице Пушкина.....	271
Калейдоскоп отзывов.....	272